

**ЛУЧШИЕ
БИОГРАФИИ**

**ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ**

**БЕЗ МИФОВ
И ЛЕГЕНД**

**ВИКТОР
БАКИН**

Виктор Васильевич Бакин
Владимир Высоцкий.
Жизнь после смерти
Серия «Лучшие биографии»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371094

Владимир Высоцкий. Жизнь после смерти.: Алгоритм; Москва; 2011

ISBN 978-5-6994-9879-6

Аннотация

Эта книга о том, как проходила оценка «явления Высоцкого» после его смерти. Что было сделано в стране и за рубежом, чтобы донести до людей огромное наследие, оставленное им, несмотря на короткую жизнь, как правда о поэте разрушала легенды о нем, как страна жила уже без него, но в то же время с ним, читайте в исследовании Виктора Бакина.

Содержание

От автора	6
Посмертная маска	16
Под запретом. 1980–1986 гг.	20
Цветы и стихи	20
Пока только Самиздат...	33
Незавершенные дела	40
Архив	40
Долги	48
Еще одно уголовное дело	58
Сыновья	63
Аркадий	65
Никита	70
Барды – Высоцкому	83
Олег Даль	100
«Американский двухтомник»	107
Ю. Любимов – «Владимир Высоцкий»	110
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Виктор Бакин

Владимир Высоцкий.

Жизнь после смерти

©Бакин В. В., 2011

©ООО «Алгоритм-Издат», 2011

©ООО «Издательство Эксмо», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Он и при жизни был легендарен, а теперь, конечно, легенд о нем будет все больше. Но вот что здесь замечательно. Во всех его приключениях, действительных или сочиненных, было, как и в песнях его, нечто из сказки русской, что-то от «по щучьему веленью, по моему хотенью...»

Юрий Карякин

...Высоцкий возвращается. На этот раз кликушества не будет, потому что возвращается он не ко всем. Для кого-то он так и останется монументом, аляповатым изображением на

календаре. Но к кому-то – к настоящей своей аудитории – он приходит еще триумфальнее, чем прежде. Мы выросли на нем, по-моему, неплохими.

Дмитрий Быков

Жизнь Высоцкого кончилась. Но судьба, которая шире и больше его жизни, – только еще разворачивается. Размышляя о ней, мы оглядываемся не назад, но вокруг, смотрим не на одного человека, а на многих и на самих себя.

Наталья Крымова

Высоцкому предстоит большая и непростая историческая жизнь, в каком-то смысле не менее сложная, чем та, которую он прожил.

...Высоцкий есть исторический деятель, никуда от этого не денешься.

Натан Эйдельман

От автора

25 июля 1980 года. Этот день стал днем всенародной скорби, и одновременно для Высоцкого началась новая жизнь за пределами его короткого земного бытия. Не стало живого Высоцкого, но осталось то, что он успел сделать за свою жизнь, – стихи и песни, роли в театре и кино, а главное – колоссальное влияние на умы и сердца миллионов людей. Он был последним национальным героем. Фронтовики, зэки, алкаши, менты, спортсмены, романтики, диссиденты и партийные бонзы – всех охватил Высоцкий своей харизмой и повел *«по-над пропастью»*. Никому с тех пор не верили так, как ему. После похорон Высоцкого Виктор Шкловский сказал: «...Толпа провожала писателя, который умел петь хриплым голосом... Люди слушали Володю и **вспоминали**, что они люди».

Прошло время, и мы все больше убеждаемся, что Владимир Высоцкий – исключительное явление современной культуры. Творчество далеко не каждого поэта, актера, художника переживает своего создателя, и очень редко в такой форме и в таком объеме, как произошло это с творческим наследием Высоцкого. Вышло большое количество его книг и книг о нем, тысячи статей, воспоминаний, выпущено полное собрание записей песен, концертов, кино- и телефильмы, спектакли, литературные комментарии, защища-

ются диссертации по творчеству поэта.

Но появилось все это не сразу. Официальное неприятие имени и творчества Высоцкого официозом страны при его жизни продолжалось еще несколько лет. С трудом удавалось пробивать статьи о нем, отменялись вечера памяти; стали выходить книги его стихов, но вдогонку за зарубежными изданиями – полными погрешностей и ошибок; были под запретом или под строгой цензурой телепередачи и спектакли, Театр на Таганке не мог ввести в репертуар спектакль «Владимир Высоцкий», посвященный его жизни и творчеству.

От слухов и сплетен, ходивших вокруг его имени, Высоцкий отбивался до самого конца жизни: *«Все мы в какой-то период нашей жизни страдаем от слухов. Я до сих пор отмахиваюсь руками и ногами от всевозможных сплетен, которые вокруг меня распространяются, как облака пыли, и постоянно нахожусь под огнем всех этих разговоров. Несколько раз я уже похоронен, несколько раз «уехал», несколько раз отсидел, причем такие сроки, что еще лет сто надо прожить»*. И то, что после смерти поэта народ не имел полной информации о нем, продолжало плодить мифы, слухи и домыслы. Иные легенды гибнут под натиском мифов. Особенно грешила этим иностранная пресса, изображавшая Высоцкого как певца-диссидента, который пел о «советских тюрьмах, об обычной советской жизни: коммуналках, длинных очередях, привилегиях элиты...».

Высоцкого знали во всем мире. При жизни он выступал

в Англии, Франции, Италии, Германии, Польше, Венгрии, Югославии, Болгарии, США, Канаде, Мексике... Это была международная известность. Но если у нас в стране мифы о том, что Высоцкий когда-то где-то сидел в лагерях или воевал, были частично развеяны его многочисленными полугалльными выступлениями, то за границей эти слухи продолжали множиться.

Так, в обширной статье «The New York Times», опубликованной 26 июля 1980 года, Крейг Р. Уитни писал: «...Ведущий сатирик, Владимир Высоцкий, бард и актер, чьи песни, высмеивающие строй, даже секретную полицию, сделали его столь же популярным здесь, как рок-звезды на Западе, умер прошлой ночью от сердечного приступа, как сообщили сегодня его друзья. Его друзья сказали, что актер, которому было 46 лет, уже некоторое время болел и в момент смерти находился в больнице.

Он отбывал срок в лагерях в юности, но был освобожден при Никите Хрущеве после смерти Сталина в 1953 году».

В той же газете и этот же автор, но 29 июля: «Высоцкий был как популярной звездой кино, так и звездой сцены. На дружеских встречах, после нескольких рюмок, он пел баллады, которые сделали его легендарной подпольной фигурой».

Итальянская «Paese Sera» 26 июля 1980 года напечатала сообщение под заголовком – E'MORTO IL MARITO DELL'ATTRICE MARINA VLADY (Умер муж актрисы Марины Влади): «Умер от инфаркта советский актер и певец Влади-

мир Высоцкий. Он успешно выступал на сцене (знаменит в ролях Гамлета и в «Галилее» Брехта), Высоцкий был также широко популярен как автор сатирических песен против советского строя, что сделало его имя особо широко известным среди публики. Высоцкий – которому было немногим более 40 лет – был женат на французской актрисе Марине Влади.

Высоцкий был самым популярным и любимым певцом в СССР; многие из его песен были основаны на переживаниях, которые он испытал в молодости в заключении в сталинских лагерях. Официально распространялись только песни, в которых не было резкого протеста. Своим «тяжелым» голосом Владимир Высоцкий пел не о «светлом будущем», а о трудностях сегодняшней обывденной жизни».

Французская «L'Humanite» от 26 июля 1980 года – MORT DE L'ACTEUR VLADIMIR VISSOTSKI (Смерть актера Владимира Высоцкого): «Советский актер Владимир Высоцкий, муж французской актрисы Марины Влади, скончался от сердечного приступа в ночь на пятницу в Москве.

Высоцкий в 48 лет был одним из ведущих актеров московского Театра на Таганке. Кроме того, он сочинял и исполнял с большим юмором собственные песни и стихотворения. Высоцкий завоевал единодушное признание советской и международной критики за исполнение ролей Гамлета Шекспира и Галилея Бертольта Брехта в постановке Любимова.

Марина Влади, только что потерявшая сестру, актрису

Одиль Версуа, была замужем за Владимиром Высоцким в течение десяти лет. Она прибыла вчера в Москву, где в понедельник должны состояться похороны».

Французская «Le Monde» от 27 июля: «...Владимир Высоцкий – для друзей Володя – был, несомненно, самым известным актером театра и кино, певцом в СССР, так как его популярность была велика во всех слоях общества. Он родился в 1937 году и в течение десяти лет был женат на французской актрисе русского происхождения Марине Влади. В течение нескольких лет он играл в Театре на Таганке в Москве. У режиссера-авангардиста Юрия Любимова он был Гамлетом, Галилеем, котом Бегемотом в «Мастере и Маргарите» Булгакова... Его песни часто украшали спектакли Таганки. Он еще пел для «Дома на набережной» Трифонова...

Чтобы реабилитироваться перед властями, Высоцкий записал несколько весьма «соцреалистических» песен, прославляющих альпинистов, советских геологов... Однако своей популярностью он обязан другому реализму, более суровому и ироническому, который описывал условия жизни в лагерях, где он побывал еще подростком, и пребывание в психиатрических больницах, когда человек не является сумасшедшим».

Французская «Le Nouvel Observateur» (09.08.1980) публикацию о смерти Высоцкого (автор Roland Cayrol) сопровождала четырьмя фотографиями, сделанными Жаном Полем Андансоном (James Andanson) в ноябре 1977 года в Париже.

Эмигрантская газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк), 26 июля 1980 года: «Его перу наряду с блестящими пустяками принадлежат редкие по силе обличительные песни, раскрывающие звериную сущность советского строя». Эта же газета 29 июля: «В СССР его хорошо знали в театральных кругах как прекрасного актера, члена диссидентских кругов. <...> После покойного осталась вдова, кинематографическая артистка Марина Влади, русская эмигрантка, выросшая во Франции и сделавшая там свою карьеру».

Японская «The Japan Times» (Токио), 30 июля 1980 года: «Около 10000 русских вышли в понедельник, многие – всхлипывая и разбрасывая цветы, на похороны политического барда и актера Владимира Высоцкого. “Это не политическая демонстрация. Мы просто любили его”, – сказал западному корреспонденту юноша из толпы. <...> Высоцкий, человек примерно 48 лет, с божьей искрой таланта, выглядевший моложе своих лет, по полученным сведениям, умер в прошлую пятницу от сердечного приступа. Он был женат на Марине Влади, французской актрисе кино и певице».

«Information» (Дания, Копенгаген), 30 июля 1980 года: «На прошлой неделе скончался 42-летний русский певец и актер. Западные корреспонденты в Москве сообщают, что в связи с трауром и похоронами улицы Москвы пришли в состояние беспорядка. <...> Ходят слухи, что Высоцкий покончил с собой. Если так, то почему? Теперь мифы будут разрастаться по русским меркам: было ли это связано с лю-

бовью, политическими репрессиями или пресыщенностью жизнью. В феврале мне рассказывали на Таганке, что Высоцкий сильно переживал проблему своего старения. Может быть, это послужило причиной его смерти».

«Le drapeau rouge» (Брюссель, Бельгия), 26–27 июля 1980 года: «Советский актер и певец Владимир Высоцкий, муж французской актрисы Марины Влади, скончался в пятницу в Москве от инфаркта, сообщил Театр на Таганке, где работал актер.

В свои 43 года Владимир Высоцкий был очень хорошо известен в СССР по своим ролям в Театре на Таганке – авангардистском театре Москвы – и своим песням (некоторые содержали критику режима), которые были хорошо знакомы советским слушателям, хотя мало издавались на дисках в СССР».

Все западные издания подчеркивали брачную принадлежность покойного Марине Влади как основную жизненную заслугу поэта с «уголовным прошлым». Для них Высоцкий – очередной муж известной кинодивы, позарившейся на русскую экзотику. Английская «The Times», 26 июля 1980 года: «Владимир Высоцкий, советский актер и исполнитель баллад, чьи резкие политические песни часто причиняли ему неприятности с властями, умер от сердечного приступа, по сообщению друзей. Он был мужем Марины Влади, французской актрисы». «Morning Star», 28 июля 1980 года: «Он был женат на Марине Влади, русской актрисе, живущей сей-

час в Париже, звезде фильма 1967 года Жан-Люка Годара «Две-три вещи, которые я знаю о ней»». Канадская «Globe and Mail» (Торонто), 29 июля 1980 года: «Высоцкий, который был женат на французской актрисе Марине Влади, умер в прошлую пятницу от болезни сердца после трех месяцев пребывания в больнице». Итальянская («L'Unita»), 26 июля 1980 года: «Один из самых знаменитых советских певцов Владимир Высоцкий, муж французской актрисы русского происхождения Марины Влади, скоропостижно скончался прошлой ночью в Москве от инфаркта. В 43 года, будучи очень популярным среди молодежи благодаря своим антиконформистским песням, Высоцкий был также одним из ведущих актеров лучшего драматического театра Москвы, Таганки». Немецкий «Der Spiegel» (Гамбург, ФРГ), 4 августа 1980 года: «Участники траурной церемонии спонтанно, неорганизованно шли сквозь государственный караул – сквозь тотально оцепившую олимпийскую столицу государственную полицию СССР. Против нее как раз и выступал Высоцкий, советский лирический поэт, в своих песнях, познакомившись уже в молодом возрасте с лагерями (позднее он женился на западной актрисе Марине Влади)». Для своего народа Высоцкий был национальным героем, а для чужого – только мужем французской актрисы...

Без легенд, вранья, но со скорбью и выражением великой утраты писали в первые дни после похорон газеты Польши и Болгарии.

Болгарское телевидение сообщило в своем информационном выпуске о похоронах Высоцкого. Были показаны заполненные народом Таганская площадь и прилегающие улицы. Целый ряд болгарских газет – «Народна култура», «Литературен фронт», «Отечествен фронт», «Народна младеж», «Пулс» – отметили смерть Высоцкого. Журнал «Младеж» предоставил место для воспоминаний о покойном и для его портрета, «Факел» и «Наша родина» тоже поместили материалы о Высоцком.

31 июля 1980 года, болгарская газета «Литературен фронт»: «...Этот человек не мог жить без поэтов и без поэзии. И давайте выскажем дерзкую мысль: он участвовал в воспитании своего поколения поэтов, в воспитании их чувствительности».

Польский еженедельник «Przyjazn», Варшава, 22 августа 1980 года, Роман Шидловский: «Избранники богов умирают молодыми. Остальное пусть будет молчанием. Высоцкий не сыграет уже ни одной роли, не споет ни одной песни. Однако останется в нашей памяти. Шекспир сказал: «Искусство актера – это зеркало, в котором отражается правдивый, неприкрашенный мир». Именно таким актером был Владимир Высоцкий».

«Политика» (Белград, Югославия), 28 июля 1980 года: «Известный советский актер и певец Владимир Высоцкий, незабываемый Гамлет Театра на Таганке, умер в 43 года от инфаркта. На киноэкране Высоцкий сыграл Дон Жуана, иг-

рал он и в фильме, поставленном по книге американского репортера Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Высоцкий был и популярным певцом. Жил он попеременно в Москве и Париже с супругой – французской актрисой Мариной Влади».

Помимо единственной советской газеты «Вечерняя Москва», сообщившей о смерти Высоцкого, был некролог в таллинской газете «Sirp ja vasar» от 1 августа 1980 года, где были напечатаны такие слова: «Прежде всего, он был знаменитым автором и исполнителем песен, в которых дар поэта и композитора и мастерство певца соединились с гражданской страстностью... Ушел художник, который остро чувствовал свое время и сумел мастерски отобразить его в своем творчестве. Для многочисленных почитателей его таланта это невосполнимая утрата».

Однажды в гостях, в Болгарии, Владимир Высоцкий сказал почти случайно: *«Жизнь – это рана, которая лечится сама. Мне дороги страдания, потому что из них рождаются радости»*. Никто не говорил о страданиях современного человека с таким жизнелюбием и с такой верой. И это парадокс. Парадокс Высоцкого – явления, опередившего свое время, и которое мы, современники, отныне будем оценивать.

Посмертная маска

26 июля художник Юрий Васильевич Васильев вместе со своим сыном Михаилом, студентом Строгановского училища, по просьбе Ю. Любимова снимает посмертную маску Владимира Высоцкого. Васильев был хорошо знаком с Высоцким. Он был художником спектаклей «Павшие и живые» и «Пугачев», был знаком со скорбным ремеслом создания посмертных портретов. В свое время он делал посмертную маску турецкого поэта Назыма Хикмета...

В 14 часов 10 минут Васильев по всем правилам наложил маску, как это делал всегда. Когда же он попытался ее снять – это оказалось невозможным. Как будто какая-то сила прижала ее к лицу. Юрий Васильевич вспоминал, что он обратился к Высоцкому: «Володенька, отпусти». Неожиданно легко маска снялась.

М. Влади помогала при этой работе художнику. В своих воспоминаниях она напишет: «Уже ночь. Я включаю нашу настольную лампу. Золотистый свет смягчает твоё лицо. Я впускаю скульптора, который поможет мне снять посмертную маску».

Конечно же, романтичнее и таинственнее снимать посмертную маску самой и ночью, тем более когда тебе «помогает скульптор»...

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи...

Одновременно с маской был сделан слепок левой руки Высоцкого. Этот слепок Ю. Васильев передал в Музей Высоцкого. Решением фондовой комиссии музея слепок был принят на хранение во вспомогательный фонд. Музейные правила предполагают включение предметов в основной фонд лишь при гарантированной возможности их хранения сколь угодно долго. Материал слепка – гипс. По мнению работников фондового отдела, этот материал не обеспечивает длительной сохранности без надлежащих условий.

По первому слепку маски была изготовлена разъемная форма, по которой были изготовлены три гипсовые копии и три отливки из металла. Отличительной особенностью масок работы Юрия Васильевича было наличие на обратной стороне по мягкому материалу надписи «Вл. Высоцкий», подписи скульптора «МОН» (это было его детское прозвище) и римских цифр – порядкового номера маски: I, II, III. Первичный же слепок не был заполнен гипсом изнутри (полый), находился в мастерской скульптора (с застывшими в гипсе ресничками) и пропал из мастерской, когда Юрий Васильевич был болен и в мастерской жила его дочь.

Гипсовая маска с номером «один» была подарена Васильевым своему другу, профессору Ю. Делюсину, который

долгое время входил в художественный совет Театра на Таганке; вторая маска была выполнена мастером по личной просьбе В. Золотухина и находится у него; третью маску 13 июня 1991 года жена Ю. Васильева Елена Петровна передала в музей.

Потом были заказаны бронзовые копии, тоже в трех экземплярах. Для качественной отливки Юрий Васильевич отдал свои серебряные ложки.

Одна из них – во Франции у М. Влади, вторую Васильев отдал лично Ю. П. Любимову, который положил маску в сейф, третья маска, которая предназначалась для семьи, Васильев передал Артуру Макарову.

В 1983 году Ю. Любимов уезжает в Лондон ставить там спектакль «Преступление и наказание», и вторая маска исчезает из сейфа... Противоречивая информация от разных лиц судьбу этой маски так и не раскрыла.

В. Янклович: «Скульптору Распопову, который делал фигуру Высоцкого, понадобилась маска, понадобилась для работы. Распопов решил обратиться к Дупаку (раз в театре – значит у директора). Дупак ответил, что маски у него нет, Любимов увез ее за границу... Но Петрович никакой маски за границу не увозил, она должна быть у Дупака...» Семья беспокоится тоже. Нина Максимовна Высоцкая приезжает в театр... Где маска? «Дупак повел нас в кабинет... Нет ключа от сейфа! Долго искали ключ. Открыли сейф в кабинете Любимова – маски нет. А Дупак говорит: «Я ничего не знаю.

Маска была». – «Как же так, Николай Лукьянович!» – «Я буду искать». Звоню на следующий день: «Вы знаете, Нина Максимовна, обратитесь к Марине... Мы и вторую отдали ей...»»

Бронзовую маску не нашли, зато массово обнаружались гипсовые подделки. В 1990 году ленинградцем Александром Кисиленко в музей была передана гипсовая маска Высоцкого. Людмила Абрамова, работавшая в то время в музее, рассказала, что они с вдовой Ю. Васильева положили рядом оригинал посмертной маски Высоцкого и «ленинградскую версию»: «У «ленинградской копии» перепутаны правая и левая стороны. У настоящей маски на одну сторону уголок рта опущен, а у копии – на другую. Но вполне возможно, что это делал скульптор, причем скульптор неплохой, потому что определенное сходство там есть... Но делал по фотографиям. Вдова Васильева говорит, что это самостоятельная работа... Воссоздание, которое выдают за посмертную маску... Ведь Васильев снимал только лицо, потому что был сильный отек шеи, и он сделал только до подбородка... А на «ленинградской» работа очень глубокая: шея, уши, волосы... При чем волосы сделаны совершенно не так...»

Под запретом. 1980–1986 гг.

Цветы и стихи

*Это был цветок нашей земли, нашего народа
и нашего времени. Это был цветок, может быть,
не обладающий роскошной внешностью, но он был
одуряюще ароматен...*

Михаил Ульянов

В стихах и песнях поэта высококоведы найдут пророческие слова, касающиеся будущего страны, многих событий и его самого. «*Не пройдет и полгода – и я появлюсь, чтобы снова уйти на полгода*». Эта строка оказалась не только пророческой, но и хронологически точной.

25 января и 25 июля – дни рождения и смерти поэта, разделенные полугодием, станут теперь памятными днями для страны, днями Высоцкого.

25 января, несмотря на мороз, на Ваганькове всегда будет много народа. И много горящих свечей – несмотря на ветер. И много живых цветов – несмотря на снег. Горы цветов... Ну почему хотя бы часть этих цветов не подарили при жизни? Это не продлило бы ему жизнь, но хотя бы поддержало...

В день похорон, 28 июля 1980 года, присутствующий при погребении Высоцкого журналист А. Минкин позднее поде-

лился своими наблюдениями: «Любимов не может подойти к могиле – не хочет наступить на цветы. Метров с пяти бросает к камню букет роз. Он странно раскачивает букет, как укачивают ребенка, – потом выпускает из рук. Розы взлетают, летят к могиле и, долетев до камня, опускаются и встают, прислонившись к нему. Не упали. Даже не покосились. Так и руками не поставишь. Какая-то женщина, увидав это чудо, отдает Любимову свой букет. Я про себя думаю – повторить невозможно. Но все повторяется: и странное раскачивание, и точный полет цветов к камню...»

Теперь ежегодно в день рождения и в день смерти Высоцкого Ю. Любимов ставит цветы на его гримерный столик.

Ю. Любимов: «Это же все-таки удивительное явление, что в любой день со всей страны к нему на Ваганьково приезжают люди, просто постоять. Зачем? Значит, они с духовной какой-то жадой приезжают? Значит, он умеет утолить духовную жажду людей. Они приезжают к нему – к легендарному, к бесстрашному человеку, который спел все, что хотел».

Внезапный уход человека, которого миллионы поклонников его таланта называли просто «Володя», вызвал стремительный рост интереса к его жизни и деятельности, массовое паломничество к могиле на Ваганьковском кладбище и обернулся вспышкой спонтанного поэтического творчества. Это был настоящий поэтический бум в стране. Многим хотелось в стихотворной форме выразить свою скорбь, выразить сокровенные мысли и чувства, определить значение

личности и творчества Высоцкого в своей жизни и в жизни всей страны. Потом это явление назовут «феноменом всенародного литературоведения». Авторами посвящений являлись как признанные поэты (Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Евтушенко), коллеги Высоцкого «по гитаре» (Ю. Визбор, Ю. Кукин, Ю. Ким, Е. Клячкин, А. Городницкий, В. Егоров, В. Долина), так и неизвестные, зачастую анонимные сочинители.

В дни прощания стихи возлагали вместе с цветами к портрету в витрине театра, потом к гробу, потом на могилу. На земле, на деревьях, на заборах, на стенах кладбищенских зданий – везде белели листочки с посвящениями Высоцкому. Их читали друг другу у ограды, за которой даже зимой пылает море цветов, переписывали друг у друга и распространяли в списках по стране... Стихи очень часто неумелые, не всегда складные, но искренние. Сейчас их уже несколько десятков тысяч... Точную цифру назвать невозможно.

И после смерти множились легенды... На могилу попадали стихи, приписываемые Высоцкому. Особенно стабильно появлялись «загробные» стихи, начинающиеся словами «Спасибо, друг, что посетил последний мой приют...». Некоторые периферийные газеты будут долго печатать их к годовщинам смерти и рождения поэта.

Долгие месяцы в театр приходили потоки писем. Большинство из них были со стихами. Все они – о Высоцком. На-

род не мог и не хотел скрывать своей любви к своему Певцу.

Автор не известен

...Он пел о том, о чем молчим. Себя сжигая, пел,
свою большую совесть в мир обрушив,
по лезвию ножа ходил, кричал, хрипел
и резал в кровь свою и наши души...

Вячеслав Савосин

Мне бы только пропеть,
Лишь хватило бы дней,
Как травили волков,
Как загнали коней,
Мне бы только успеть
Прошагать по ножу,
Я такого еще нам о нас расскажу...
Но гитара молчит,
Смерть со мною на «ты»,
Обрядили меня и зарыли в цветы.

Зинаида Ситчихина

А где же вы, друзья, дорогие поэты?
Ни фразы! Ни строчки! Как будто вас нет?!
Ужель вы к умершему зависть таите,
Ужель не пошлете последний привет?

Высоцкий теперь не узнает об этом,
Пусть совесть вас мучит за ваши грехи.
Давно повелось – на могилах поэтов
В лавровый венок им вплетают стихи.

Сознайтесь: всегда его песни любили
И в дружбе навеки ему поклялись.
Что ж быстро так струсили и изменили
Его идеалам и взглядам на жизнь?

Страну охватила печали лавина.
Наверное, больше – лавина любви.
Идите скорее – читайте и слушайте,
Какие народ ему пишет стихи.

Ну что ж вы, поэты! Спаси ваши души!
Ужель ваша муза при жизни умрет?
Чтоб так, как его, вас любили и слушали,
Почаще вам надо спускаться в народ!

Леонид Филатов
Июль 80-го

...И кому теперь горше
От вселенской тоски —
Машинисту из Орши,
Хиппарю из Москвы?..

Чья страшнее потеря —
Знаменитой вдовы
Или той из партера,
Что любила вдали?..

Чья печаль ощутимей —
Тех, с кем близко дружил,
Иль того со щетиной,
С кого списывал жизнь?..

И на равных в то утро
У таганских ворот
Академик и урка
Представляли народ.

Белла Ахмадулина

Эта смерть не моя есть ущерб и зачет
жизни кровно моей, лбом упершейся в стену.
Но когда свои лампы Театр возожжет
и погасит – Трагедия выйдет на сцену.

Вдруг не поздно сокрыться в заочность кулис?
Но пойду! Спрячу голову в бархатной щели.
Обреченных капризников тщетный каприз —
вжаться, вжиться в укромность – вина неужели?

Дайте выжить. Чрезмерен сей скорбный сюжет.
Я не помню из роли ни жеста, ни слова.
Но смеется суфлер, вседержитель судеб...
Говори: все я помню, я здесь, я готова.

Говорю: Я готова! Я помню! Я здесь!
Сущ и слышен тот голос, что мне подыграет.
Средь безумья, нет, средь слабоумья злодейств
здроаво мыслит один: умирающий Гамлет.

Донесется вослед: не с ума ли сошед
тот, кто жизнь возлюбил, да забыл про живучесть.
Дай, Театр, доиграть благородный сюжет,
бледноликий партер повергающий в ужас!

Давид Самойлов

Облики облака
Наблюдая, как тысячи
Наблюдают облака,
Видю я, как в них неровно высечен
Образ века и не наверняка.

Можно видеть в утреннем облаке
Текущие лики и облики:
Космические вихри атома
И рядом профиль Курчатова.

И чему-то вселенскому родственно,
И стоустой молвы стоустей —
Нежное лицо Высоцкого,
Полное печали и предчувствий.

Валентин Гафт **Хулиганы**

Мамаша, успокойтесь, он не хулиган,
Он не пристанет к вам на полустанке,
В войну Малахов помните курган?
С гранатами такие шли под танки.

Такие строили дороги и мосты,
Каналы рыли, шахты и траншеи.
Всегда в грязи, но души их чисты,

Навеки жилы напряглись на шее.

Что за манера – сразу за наган,
Что за привычка – сразу на колени,
Ушел из жизни Маяковский-хулиган,
Ушел из жизни хулиган Есенин.

Чтоб мы не унижались за гроши,
Чтоб мы не жили, мать, по-идиотски,
Ушел из жизни хулиган Шукшин,
Ушел из жизни хулиган Высоцкий.

Мы живы, а они ушли туда,
Взяв на себя все боли наши, раны...
Горит на небе новая Звезда,
Ее зажгли, конечно, хулиганы.

Андрей Дементьев **Черный лебедь**

Еще одной звезды не стало.
И свет погас.
Возьму упавшую гитару,
Спою для вас.

Слова грустны. Мотив не весел,
В одну струну.

Но жизнь, расставшуюся с песней,
Я помяну.

И снова слышен хриплый голос.
Он в нас поет.
Немало судеб укололось
О голос тот.

И над душой — что в синем небе —
Не властна смерть.
Ах, черный лебедь, хриплый лебедь,
Мне так не спеть.

Восходят ленты к нам и снимки,
Грустит мотив.
На черном озере пластинки
Вновь лебедь жив...

Михаил Львовский

С вопросом «Быть или не быть?» —
Ты в положение глупом.
Россия любит хоронить
И причитать над трупом.
Она покойников своих
Заносит сразу в святцы,
Ведь опасаются живых,

А мертвых что бояться?!
Ты за земной шагнул предел —
Оборвалась дорога...
И в первый раз я пожалел,
Что я не верю в Бога.
Все как положено идет,
И места нет надежде...
Ах, есть народ! А что народ?! —
Безмолвствует, как прежде!..

В самиздате было выпущено несколько сборников стихотворных посвящений. Эти стихи – рассказ о том, какие чувства разбудил в людях огромной страны поэт Высоцкий...

Но стихи на отдельных листочках, сборники стихотворных посвящений, сброшюрованные сборники стихов самого Высоцкого, лекции о его творчестве и многие другие мероприятия, посвященные его памяти, еще долго будут под запретом, а рискнувшие организаторы были сурово наказаны. Так, в 1983 году преподаватель музыкального училища из Свердловска В. Попов за лекцию о Высоцком был исключен из КПСС и снят с работы. В том же 1983 году А. Тавровский организовал в Симферополе фотовыставку, посвященную Высоцкому. Выставку без всяких объяснений приказали закрыть в день открытия. В 1981 году организаторами саранского (тогда – куйбышевского) музея Высоцкого занялся КГБ, а музей был немедленно запрещен. В то же время саранские любители творчества Высоцкого сумели в отделе

главного технолога саранского приборостроительного завода организовать лекцию о творчестве Высоцкого. Однако после лектора республиканского общества «Знание» Н. Кяшкину пригласили в КГБ и запретили в дальнейшем проводить лекции о Высоцком...

Организованные в первые годы после смерти Высоцкого в разных городах страны клубы по пропаганде творчества поэта существовали недолго – компетентные органы разглядели в них подрывников устоев готового к развалу государства.

24 января 1982 года, накануне 44-й годовщины со дня рождения поэта, в Свердловске, при Доме культуры автомобилистов, появился Клуб любителей творчества Высоцкого под названием «Пульс». Члены клуба собирались два раза в месяц, обменивались самиздатовскими статьями, фонограммами, фотоматериалами. Материалы использовались для выступлений на предприятиях и в самом ДК автомобилистов, где два раза в год – 25 января и 25 июля – проводились музыкально-поэтические композиции по произведениям Высоцкого.

В 1984 году члены клуба Л. Демин и П. Толстов закончили работу по «изданию» четырехтомника В. Высоцкого под названием «Песни и стихи», с предисловием и комментариями. Издание печаталось на машинке в пяти экземплярах. Два экземпляра были подарены Театру на Таганке.

Однако вскоре деятельностью Клуба заинтересовался местный КГБ. Членов Клуба стали «приглашать» на допро-

сы. Кого-то напугали, кто-то испугался сам... С осени 1985 года посещаемость заседаний Клуба резко упала. Стали приходить по 3–5 человек, и вскоре Клуб фактически прекратил свое существование.

Пока только Самиздат...

После смерти Высоцкого вся страна, воспринимавшая его как миф, как легенду, захотела знать конкретные факты его жизни. А мы, хорошо его знавшие, пытались разобраться в корнях этой легенды, этого мифотворчества.

Алла Демидова

Через несколько лет будет написано невероятное количество статей и воспоминаний о рано ушедшем из жизни поэте, певце и актере. Но пока Высоцкий еще под запретом, и статьи и стихи, ему посвященные, распространяются только в списках.

На поминках 28 июля М. Влади обратилась к Ю. Карякину с просьбой написать статью о Высоцком. И уже в августе, к сороковинам, Карякин пишет статью «По чьей вине?», разошедшуюся по стране в сотнях самиздатовских экземпляров.

«Будущий историк нашего общества совершит, наверно, поразительные открытия, исследуя «явление Высоцкого», — писал Ю. Карякин, — исследуя неудержимый ничем взлет, взрыв любви народа к нему. Нет, тут не мода скоротечная, не меланхолия кабацкая. Нет, что-то тут такое чудесно сошлось, срослось душевно. Нерасторжимо. Что-то взаимно тут узналось, узналось любовно и больно: истосковавшиеся встретились. Тут ведь доверие настоящее — самая прекрас-

ная и самая, может быть, трудная вещь на свете: ни купить нельзя, ни подделать, как и любовь настоящую. Тут и есть такое доверие народа к своему поэту, певцу, артисту, который не продаст, не выдаст, поймет, выразит.

«Ни единою буквой не лгу, не лгу...»

Многие ли посмеют, многие ли имеют право подписываться под этим?»

Первоначально статья Карякина была опубликована в самиздатовском журнале «Менестрель» московского КСП, специальный выпуск (август, сентябрь 1980 года) которого был посвящен памяти В. Высоцкого.

Здесь же были помещены некролог, слова прощания, стихотворные и прозаические посвящения... Авторы – Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Б. Окуджава, Ю. Трифонов, А. Горюнов, Ю. Визбор, Ю. Андреев, П. Вегин, А. Митта, Н. Матвеева, Ю. Ким, Р. Шидловский...

Не способные к полной победе над самиздатом партийные идеологи вынуждены потихоньку приоткрывать «кран запрета»...

А. Демидова: «Через месяц после смерти Володи мне неожиданно позвонили из «Советской России» и предложили за два дня написать о нем статью. Я, естественно, согласилась. У меня были дневниковые записи, и я их использо-

вала в статье. Вышла эта статья в жестко скорректированном виде, но «я не жалею» и благодарна людям, которые ее напечатали».

Свою статью Демидова закончила словами: «“Поспешая, не торопись” – есть такая хорошая пословица. Какой он был? Нужно неторопливое, вдумчивое размышление о судьбе этого актера и человека».

Это была первая официальная и очень нужная статья для тех, кому дорого было каждое слово о Высоцком, кому хотелось знать о нем не из сплетен и слухов, а от людей, близко его знавших.

Пренебрежительно отозвался о статье Демидовой В. Золотухин: «Теперь началась конкуренция у гроба. Кто скажет первый... Кто напишет скорее, кто вперед оправдается». С этих пор любое, кроме собственного, подобное выступление со сцены или в печати он назовет «конкуренцией у гроба».

О том, как сложно было даже не в то время, а много позже напечатать что-либо, выходящее за идеологические рамки, рассказывает Ю. Карякин: «Сегодня я не ближе к отчаянию, чем десять лет назад, когда, забрав из очередной редакции отвергнутое письмо одному инкогнито «Стоит ли наступать на грабли?» (не ко времени, мне говорили; а я чувствовал: теперь – или никогда!), шел по Тверскому бульвару, держа курс на ЦДЛ, с известной невеселой целью: «завить горе веревочкой». Вдруг на старом особнячке – вывеска: журнал «Знамя». Григорий Бакланов статью прочитал за вечер. По-

звонил: «Ставим в номер!» И началась мука мученическая.

Бакланов, отстранив и меня, и своих сотрудников, принялся править текст «Граблей». Где по зову сердца, а где и не по своей воле (цензура была на последнем издыхании, но еще лютовала). Я пошел к его заместителю Лакшину: «Есть места в статье, которых уступить не могу. Как ты думаешь, имею я право действовать в обход Гриши?» Лакшин, с сочувствием, но без особой веры сказал: «Валяй, если получится».

И поехал я в типографию, на улицу «Правды», прихватив три бутылки водки и магнитофон с записью Высоцкого. Явился в цех и сказал: «Братцы, вот какое дело, в мой текст не разрешают вставить один кусок. Сейчас покажу какой», и запустил им *«Охоту на волков»*.

«Я из повиновенья вышел» – эта строчка Володи для меня – идея «шестидесятников», их знак. Наборщики были потрясены: «Давай еще раз!» Эх, раз и еще раз... раз пять слушали – и сказали: «Вписывайте все, что надо». На свой страх и риск сказали – нужно было видеть! Они *«из повиновенья вышли»!* Бакланов потом и ругался, и восхищался – дело было сделано...»

Это было сделано именем Высоцкого. И много, очень много дел, казалось – неразрешимых, было сделано под этим именем-талисманом.

Анатолий Эфрос: «Одно время мне пришлось ездить по многим учреждениям и домоуправлениям – предстоял об-

мен квартиры. То и дело мы нарывались на грубость работников ЖЭКов. То ключей у них не было, то мы, по их мнению, поздно приехали. Однажды я уже приготовился принять очередную порцию грубости и ответить на нее, но над канцелярским столом увидел портрет Высоцкого. Мне стало легко, я подошел к этому столу с уверенностью, что за ним сидит хороший человек».

Первым официальным появлением текстов Высоцкого для читателей можно считать публикацию в майском номере (1981 г.) журнала «Дружба народов» трех стихотворений – *«Белое безмолвие»*, *«Я весь в свету, доступен всем глазам...»* и *«Люблю тебя сейчас не тайно – на показ...»*. Об официальном издании какого-либо сборника поэта в стране пока не могло быть и речи. Правда, многие имели собрания сочинений Высоцкого, но измерялись они не томами, не страницами, а часами звучания и километрами пленки. Были люди, которые переписывали фонограммы от руки, печатали на машинках, оформляли самодельные книги. Потому что даже надежды на официальное издание не было.

Самиздатовские книги текстов песен поэта появились еще при его жизни. В 1973 году, во время гастролей в Ташкенте, Высоцкий поставил автограф на сборнике, составленном любителями его поэзии Станиславом Литвиненко и Юрием Архангельским. Второй экземпляр они ему подарили... В 1976 году в Ленинграде самиздатовский сборник был даже отпе-

чатын полиграфически.

Во время гастролей Высоцкого в Запорожье в 1978 году журналист и поклонник Юрий Сушко дарит Высоцкому двухтомник его же стихов, изготовленный собственными руками. Кроме стихов там были собраны газетные вырезки, в которых либо ругали, либо хвалили артиста.

В декабре 1978 года студенты Эрик Милосский и Олег Терентьев дарят Высоцкому двухтомник, составленный ими по расшифровкам записей его концертов.

Таких «собраний сочинений» уже было много по стране. Люди, полюбившие творчество поэта, расшифровывали несовершенные записи, писали с ошибками, но издавали по два-три экземпляра: для себя, для друзей, для Высоцкого. О легальном издании в то время не могло быть и речи...

После смерти поэта самостоятельное издательское творчество продолжалось. Так, в конце 80-го года в Тбилиси Владимир Джариани составил сборник песен Высоцкого «Владимир Высоцкий. Песенная поэзия», тайно напечатанный в пяти экземплярах.

Зато граница открыто приступила к этому процессу. Под названием «Жизнь без сна» с множеством опечаток и ошибок была опубликована французским журналом «Эхо» повесть «Дельфины и психи», написанная Высоцким в очень сложном для него 1968 году.

«В канун первого после смерти дня рождения Владимира Высоцкого, 23 января 1981 года, во Дворце культуры им.

Курчатова состоялся вечер его памяти. Вела вечер Н. Крымова. Выступала А. Демидова и др.» – такая короткая информация в «Московском комсомольце», и больше – ни слова. Высоцкий под запретом...

На годовщину смерти в Москву прилетела Марина Влади. Горячее интервью прямо в здании аэропорта.

П. Солдатенков: «Высоцкий сейчас и впредь – это загадка?..»

М. Влади: «Кто? Володя – загадка? Вы почитайте его стихи, тут никакой загадки нету. Он сам все прекрасно объяснил. Лучше него никто не может про себя рассказать, я тем более... Но все-таки я могу лучше, чем те, которые рассказывают разные глупости...»

Через несколько лет Влади поведает миру без «разных глупостей» то, что многих шокирует...

Незавершенные дела

*Владимир Высоцкий – постоянная боль. Но
мысль о нем должна быть счастливой.*

Белла Ахмадулина

Архив

При жизни самому Высоцкому было некогда приводить в порядок свои рукописи. В ящиках письменного стола и на книжных полках в беспорядке лежали бесценные автографы.

В день смерти Высоцкого – 25 июля 1980 года – первым, кто позаботился об архиве, был Ю. Любимов. Он попросил В. Янкловича собрать и спрятать все рукописи Высоцкого. В. Янлович: «И вот – Володи уже нет, еще ничего не ясно, а мы с Севой в чемодане перетаскиваем все бумаги в кабинет. И, по указанию Любимова, запираем его на ключ».

26 июля 1980 года Марина Влади выполняет «благородную миссию» – пытается сохранить архив мужа... от «цензуры родителей». Через семь лет в книге воспоминаний Влади этот момент будет описан так: «В последнюю минуту родители, очевидно, не решились подвергнуть цензуре и уничтожить то, что ты написал своей рукой. И этот мой поступок, понятый позже как воровство, позволил мне передать в

ЦГАЛИ все, что ты создал бессонными ночами за годы тяжелой работы».

В этот же день, по распоряжению Марины, В. Абдулов вывез архив: «Хорошо помню, что я вынес два чемодана, положил в машину, поехал... И поверьте – это не было игрой в казаки-разбойники... Я долго ездил по Москве, чтобы убедиться – за мной никого нет. А потом поехал на Кутузовский. Подъехал прямо к офису, причем въехал туда, куда нельзя было въезжать, оставил там эти два чемодана». Это был офис брата Бабека Серуша.

В своей книге о Высоцком Марина «раздаст всем сестрам по серьгам», достанется и К. Мустафиди: «...был еще Дима, который, благодаря своим знаниям в электронике, в течение многих лет был твоим инженером по звукозаписи, да, к слову сказать, в этом мире, где каждый старается извлечь выгоду, он был не бескорыстным, так как первым делал записи и затем размножал и торговал ими».

К. Мустафиди (15.03.2003): «Когда Володя умер, тогда Марина сказала, что надо как-то все архивы в порядок привести, и вот собрание всех записей – это мой вопрос. Тогда я начал их собирать, что у кого было, и Володиные личные пленки остались тоже у меня. Фотографии собирать было поручено Чижкову, кино там и видео – еще кто-то занимался. Так эти пленки сохранились до сегодняшних дней».

Еще при жизни Высоцкого К. Мустафиди стал одним из

крупнейших отечественных специалистов в области космической связи – диссертация Константина Понайотовича Мустафиди с трогательной дарственной надписью хранится на книжной полке в квартире Высоцкого. Не пропали и записи... Так появилась знаменитая «коллекция Константина Мустафиди», которая станет в 1989 году составной частью собрания песен под общим названием «На концертах Владимира Высоцкого».

В 1988 году в интервью В. Перевозчикову Влади сказала: «Я не увезла ничего, что связано с творческим наследием Володи». Очевидно, в тот момент она забыла, что сразу после смерти Высоцкого почти весь архив был по ее заданию переснят на микро пленку и вывезен ею же из страны. Юрия Трифонова Влади заверила: «Во-первых, ни о каком издании мною Володиных стихов за рубежом, прежде чем они будут опубликованы здесь, на его родине, не может быть и речи. Это я обещаю. Во-вторых, весь творческий архив Владимира я готовлю к передаче в ЦГАЛИ, почему и спешу снять с рукописей фотокопии».

А дело было так...

Через некоторое время после похорон из офиса Б. Серуша архив был перевезен сначала к Д. Боровскому, затем на дачу Высоцкого. 24 августа 1980 года для обсуждения судьбы архива там собрались М. Влади, В. Янклович, В. Абдулов, И. Годяев и профессиональный фотограф Дмитрий Чижков.

Вспоминает В. Янкович: «Когда Чишков приехал на дачу переснимать архив, то сказал Марине, что он бывший работник КГБ... И спросил, не смущает ли это ее? Марина ответила, что ей все равно...»

Обсудили детали и на следующий день приступили к съемке архива...

Д. Чишков: «Работа над архивом шла споро. По мере разборки и сортировки листов по каким-то понятным только Марине признакам я их фотографировал и сразу же проявлял пленки в ванной комнате. По залу, на специально натянутой для этого веревке, развешивал пленки для сушки. А потом свернутые просушенные пленки Марина бережно заворачивала в фольгу и складывала одну за другой в какую-то большую пиалу. Засиживались допоздна, пока Марина не уходила к Володарским. Ну а я ненадолго засыпал прямо в кресле или на диване у камина».

Перед вами воспоминания еще одного участника событий. В своей книге «По обе стороны кремлевского занавеса» депутат Госдумы от ЛДПР Алексей Митрофанов посвятил этому событию целую главу – «Грудь “контрабандистки” Марины Влади». Привожу отрывок из этой главы: «После смерти Высоцкого жизнь столкнула меня с Мариной. Возникла ситуация, потребовавшая моего участия. Марину зачем-то заставляли сдать весь архив Высоцкого в литературный архив – ЦГАЛИ. Она упиралась: “Почему, ведь он же не Максим Горький, даже не член Союза писателей?” Но и Совет-

ский Союз уперся.

Тогда Влади решила все рукописи предварительно скопировать и хотя бы копии вывезти во Францию. Для этого требовалось их микрофильмировать – сфотографировать и уменьшить. По тем временам это была самая передовая технология.

Так получилось, что взялся за этот подряд мой знакомый фотохудожник Дима. Он попросил меня поехать с ним, потому что несколько боялся этой работы: вдова поэта была в зоне особого контроля. И вот мы втроем – Марина, я и Дима – отправились на дачу Высоцкого... По приезде мы произвели разделение труда. Дима работает, фотографирует эти рукописи, а я развлекаю Марину. Уйти и оставить рукописи нам под честное слово она не решилась. Дима работал всю ночь. А мы с Мариной всю ночь проболтали.

Марина шутила, что, поскольку у нее грудь немаленькая, у нее есть шанс вывезти все собрание сочинений в лифчике (по груди же они шарить не будут!).

Впрочем, это была совсем не шутка. План авантюры как раз предусматривал именно такой способ «контрабанды». Делались микрофильмы на пленках, и пленок должно быть столько, чтобы все уместилось на ее груди.

И действительно, ее внушительного бюста хватило на весь архив. Все, что было необходимо, она вывезла. Дима ее провожал. Рисковал, между прочим. Замечу, что она сама об этой аванюре впоследствии не распространялась. Но, как

говорится, что сделано, то сделано».

Часть архива осела в США. В конце 1980 года, приехав в Нью-Йорк на съемки фильма *«Пророков нет в Отечестве моем»*, Влади привезла рукописи с целью показа их возможным издателям в Америке. По совету И. Бродского она связалась с Карлом и Эллендеей Проффер – владельцами издательства «Ардис», которые проявили к этому интерес. Супруги Проффер передали рукописи для редактирования известному музыковеду, специалисту по бардовским песням В. Фрумкину, который незадолго до этого выпустил в этом же издательстве сборник Булата Окуджавы. Но в связи с тем, что на местном рынке вскоре появилось сразу же несколько сборников стихов и песен В. Высоцкого, этот проект показался издателям малоперспективным с финансовой точки зрения.

Еще часть архива М. Влади передала в ЦГАЛИ. Тогда следами и цветами сотрудники архива встречали вдову поэта с чемоданом семейного архива. Однако в тот раз она передала в архив не все – письма исчезли. В своей книге она об этом эмоционально напишет: «Исчезли также около полутора тысяч писем, которые, безусловно, грешили преувеличенной влюбленной восторженностью, так же как и сотни телеграмм – голубых бабочек нашей жизни, летевших к тебе со всех концов света, чтобы поддержать, успокоить, рассказать тебе о моей любви».

Н. М. Высоцкая: «Про письма Марины... Это меня бук-

важно убило! Я отдала ей все письма, которые были в квартире, у меня не было и нет ее писем».

Часть писем хранилась у Оксаны Ярмольник: «Володя мне сказал: *«Вот возьми и делай что хочешь»*. Целый конверт с письмами Марины. Я их не читала, они мне не нужны, я могу их отдать».

Не все письма бесследно «исчезли». В. Янкович: «Самые, по ее мнению, «главные» письма Марина всегда носила с собой, и именно они сгорели при пожаре в гостинице «Ленинград», во время съемок фильма «Роман императрицы»».

Действительно, такое происшествие имело место. В конце 1990 года Влади снималась в фильме Е. Татарского «Пьющая кровь» по повести А. К. Толстого «Упырь». Однажды ранним субботним утром Влади счастливо проснулась в своем номере, почувствовав запах дыма. Горел коридор всего седьмого этажа. Номер быстро наполнялся дымом, проникающим из-под двери. Влади не растерялась: намочила простыни и заложила ими дверные щели, затем распахнула окно, встала на подоконник. Помощь подоспела вовремя. Актриса удачно прыгнула на раздвижную пожарную лестницу и была спасена. А вот вещи и «главные письма» сгорели...

Через 25 лет – в феврале 2005 года – «исчезнувшие» его письма, ее телеграммы Влади передаст директору ЦГАЛИ Татьяне Горячевой со словами: «Для детей моих это – чужое, я – не вечна. Значит, должны быть там, где их поймут и сберегут». Этот поступок будет с достоинством оценен, с

обещанием не вскрывать фонд при ее жизни.

Долги

*Он объединил вокруг себя самых разных людей.
После его смерти все разбежались по углам, стали,
по сути, врагами. Потому что ничего духовного в
нас по сравнению с ним не было и вряд ли уже будет.
Валерий Янкович*

Наталья Крымова о Владимире Высоцком: «Как рассказать о человеческой доброте, избежав сентиментальности? Может быть, так: добрым этот человек был с детства, но, завоевав невиданную популярность, ухитрился дать своей славе невиданное практическое применение. Если бы откликнулись все, кому он помог – с квартирой, с больницей, с работой, с деньгами, с врачами, с лекарствами, – все те, за кого он ежедневно и постоянно хлопотал, если рассказать все случаи, когда и где безотказно действовало его имя, его лицо, его краткая внушительная просьба или данный в благодарность концерт, если перечислить двери всех учреждений, которые он открывал, упорно открывал и решительно входил – не ради себя, а ради других, – входил, чтобы выйти не униженным, а во что бы то ни стало победителем, – это была бы своеобразная приключенческая повесть о добре в нашем мире и возможностях одного доброго и сильного человека».

Высоцкий при жизни был стержнем, вокруг которого строилось все остальное пространство – театр, друзья, дети,

Марина... С его смертью все стало рушиться, и чаще всего со скандалами, судами, грязью незаслуженных обвинений и обид. Сразу после смерти друзьям и родственникам пришлось решать жизненные вопросы, нерешенные самим Высоцким и возникшие в связи со смертью.

Остались денежные долги...

По подсчетам В. Янкловича, который в последние годы вел имущественные и финансовые дела Высоцкого, общий долг составлял 37 тысяч 800 рублей. Сумма очень даже приличная, если учесть, что автомобиль «Жигули» в то время стоил около 6000 рублей.

В. Янлович: «Единственным способом зарабатывать деньги для него были концерты. Других способов не было – не печатали стихи, не выпускали пластинки, не так часто снимали в кино. В театре он получал мало. Только в конце жизни немного прибавили. А расходы... Квартира стоила достаточно дорого. А мебель? Все это надо было купить... Деньги от Марины – это чистая иллюзия. Все, что Володя покупал, он покупал за свои деньги».

Кроме того, что Высоцкий беспечно относился к деньгам, передоверял свои дела «доверенным лицам», долги возникли при оплате ремонта обоих «мерседесов», постройке дачи, приобретении дорогих мехов и драгоценностей для Марины... А порой он просто сорил деньгами. Иван Дыховичный рассказывал, что представляли собой «дни раздачи денежных знаков населению», чаще всего – в ресторане ВТО, когда

любой нуждающийся мог получить пять-десять рублей.

В подтверждение воспоминания коллеги Высоцкого по Театру миниатюр А. Кузнецова: «И вот картина, которую я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Володя работал уже на «Таганке» и был довольно знаменитым. Актеры же нашего театра обычно собирались в ресторане ВТО после окончания гастролей. И вот пришли как-то в очередной раз. И я увидел Володю, который стоял веселенький, с большой пачкой денег – что было немыслимо тогда. Веселенький – это не означает, что пьяный. Напротив, он был абсолютно трезвый, но лучащийся. Как человек, у которого в данную минуту все относительно удачно. Всем, проходящим мимо (а шли в основном молодые актеры), он говорил: *«Кому и сколько я должен?»* Кто-то подходил и смущенно называл пятерку, кто – десятку... Володя смущенных ободрял: *«Бери, куда есть деньги»*. Я подошел к нему, мы обнялись, поцеловались, поговорили о том о сем... И я спросил: *«Откуда столько денег?»* Он ответил, что получил за картину. Но за какую – я не запомнил. Помню, что он упомянул Одесскую киностудию. Подходили к нему и некоторые наглецы, которых я знал, которые, как рыбы-прилипалы, всегда ходят по столам – «стололазы» их еще называли. Кто трешку называл, особенно наглые отваживались на десятку. Он смотрел на них снисходительно, понимал, что они врут, но отдавал – небрежно, как бы *«что уж мелочиться»*».

В конце жизни масштабы долгов были другими. В. Янкло-

вич: «Долг возник так. Володя купил камни за двадцать с чем-то тысяч... И эти деньги ему нужно было достать в один день. Кому мы только не звонили – якобы очень ценные камни, а продавались дешево... Володя занял у Церетели пять тысяч, у Вадима Туманова – семь тысяч, у Степаняна – пять тысяч, у кого-то еще... А шкурки для Марины – соболя... Еще он купил два кольца с камнями – тоже Марине, достаточно дорогих... В общем, долг составил 38 тысяч...»

Очевидно, главный «финансист» Высоцкого – Янклович – не пользовался у Влади доверием. Она уговорила А. Макарова заняться проблемами наследства и долгов.

Автомобильные дела решал А. Бальчев: «Мы оба ремонтировались на станции техобслуживания № 7, где принимали любые иномарки. После Володиной смерти я забирал там его коричнево-вишневый «мерседес» и некоторое время на нем ездил. Потом его продали – в Армению».

В. Янклович: «Марина, с моей точки зрения, в делах наследства повела себя просто гениально... Она продала обе машины, и эти деньги пошли на отдачу долгов, на выплату пая за кооперативную квартиру, на расходы на похороны, на поминки... Она выхлопотала для Нины Максимовны право поселиться в квартире на Малой Грузинской».

Председатель жилищно-строительного кооператива посоветовал для решения вопроса обратиться непосредственно к Брежневу. Влади составила письмо «от группы товарищей». Для передачи письма решили привлечь друга семьи перевод-

чика Генсека Виктора Суходрева. Суходрев помог Марине грамотно составить письмо лично от нее и передал его помощнику Брежнева А. Александрову. Письмо-прошение до Брежнева не дошло – Александров переправил его в Моссовет, и вопрос очень быстро был решен. В квартире Нины Максимовны поселился Аркадий Высоцкий, у которого уже была семья.

27 февраля 1981 года между «гражданкой Франции де Полякофф Марина Катрин, проживающей – Франция, 10АВ Марина Мэзон Лаффит... гражданином Высоцким Семеном Владимировичем, Высоцким Аркадием Владимировичем... Высоцким Никитой Владимировичем...» был заключен договор о разделе наследственного имущества. В собственность Н. М. Высоцкой и ее внуков переходили «накопления в жилищно-строительном кооперативе “Художник-график” (7179 р. 61 к.) ...и паенакопления в гаражно-строительном кооперативе “Художник-график” (1753 р. 43 к.). При подписании договора гражданка де Полякофф в возмещение полученного имущества (двух битых автомобилей) обязывалась выплатить определенные суммы наследникам и оплатить расходы по заключению договора...»

Чисто по-человечески, поведение Влади в данном случае было понятно – ведь большая часть долгов Высоцкого была связана с ней. Она и отдавала эти долги...

А. Макаров: «После смерти Владимира Семеновича остались его долги друзьям, товарищам и знакомым. Продав обе

машины, я выплатил их, и все друзья, товарищи и знакомые – в том числе и Э. Володарский – эти выплаты приняли. Один друг, мало того, что я ему заплатил то, что Володя был ему должен, – 5000, по-моему, – так он прислал своего адъютанта: «Артур Сергеевич, Вадим забыл, что 700 рублей как-то Володе давал». Лишь скульптор Зураб Церетели отказался получить долг в пять тысяч рублей, заметив при этом, что в Грузии, если умирает друг, то в его семью деньги несут, а не выносят».

3. Церетели: «С Высоцким много воспоминаний связано. Однажды он занял у меня крупную сумму, а вернуть все не мог – не складывалось. Дней за десять до смерти я встретил его в Доме кино: *«Зураб, скоро получу гонорар и все отдам»*. Я руками замахал: какие счета между друзьями? Но Володя твердо стоял: *«Верну»*. Не успел – умер. И что вы думаете? Через какое-то время ко мне пришли два актера из «Таганки» и принесли большой сверток с деньгами. Оказывается, Володя составил список тех, кому должен, и я там шел под первым номером. Даже после смерти оставаться должником не хотел... Деньги я, конечно, брать не стал, велел отдать семье».

«Какие счета между друзьями?» – так не каждый скажет, если друг-должник ушел из жизни. Другой – «опальный олигарх», – получив 5000, вспомнит, что еще 700 рублей когда-то давал.

Категорически отрицает наличие долгов у Высоцкого его

друг Вадим Туманов: «Недавно выступал на каком-то канале один из так называемых друзей Высоцкого и сказал, что Артур Макаров будто бы расплачивался после смерти Володи с его долгами. Чушь какая-то. Они в последние годы не дружили. Никаких долгов у Высоцкого в это время не было. Он строил дачу и зарабатывал сам: давал левые концерты. Если бы ему надо было, в минуту у него были бы деньги».

У каждого свои воспоминания...

Сложным и склочным оказался «дачный вопрос».

Юридически в плане участка дача была оформлена как архив-библиотека Володарского. За полгода до смерти Высоцкого Володарский много раз предлагал ему узаконить дачу. Фамилия «Высоцкий» не фигурировала ни в каких документах, а значит, никаких официальных прав у Высоцкого на этот дом не было. Марина предложила Володарскому взять дачу себе. По версии А. Макарова, Володарский согласился выкупить строение, постепенно выплачивая его стоимость наследникам.

Э. Володарский: «Через несколько дней после смерти Володи Марина спросила, что делать с домом. И сама же ответила: «Пусть дом остается тебе. Он стоил сорок тысяч...» Хотя, к слову сказать, никаких документов на такую сумму у Янкловича не было. Я ответил, что этот дом мне не нужен, у меня есть свой. И таких денег у меня нет...»

Кто-то предложил собрать деньги и сделать в доме музей

Высоцкого. Но и этот вариант отпал... Дачу собирается покупать А. Макаров. Все согласны, и Макаров с Жанной Прохоренко живет на даче некоторое время. Там же 25 января 1981 года друзья отмечают день рождения Высоцкого.

Потом, в результате взаимных обвинений и претензий между Макаровым и Володарским, последний дачу частично (2-й этаж) разобрал. Деревянный брус перевезли на участок Семена Владимировича для строительства там домика. Кроме того, Володарский выплатил сыновьям Высоцкого компенсацию – по 15 тысяч рублей.

Финалом «дачного вопроса» осталась недовольна Влади – она считала, что деньги за дачу принадлежат ей.

Память о «даче Высоцкого» хранит режиссер Петр Тодоровский. Выкупив у Э. Володарского землю с фундаментом, он построил на нем новый дом: «У меня на даче висит на стене фотография домика Володи и его портрет...»

«Дачный вопрос» и многое другое рассорило большинство друзей Высоцкого. Г. Падва: «Произошла общечеловеческая и не такая уж редкая история: вначале все соревновались в благородстве – никаких претензий друг к другу, а потом перессорились».

Тот высочайший уровень человеческого единства, который был 28 июля, в день похорон, сменился непониманием: почти все, кто Высоцкого знал лично, отвернулись друг от друга. В основном это были те, кто «кормился» от поэта, выдавая себя за его истинных друзей.

Помимо долгов финансовых, были еще и долги моральные. Предчувствуя смерть, Высоцкий очень переживал за будущее Оксаны...

Оксана: «После смерти Володи я ушла в академический отпуск, подумывала, не эмигрировать ли. Меня вызывали в КГБ, пытались завербовать. Я отказалась. Из института меня не выгнали, но в Болгарию позже не пустили.

Помогли друзья. Я по-прежнему дружила с актерами «Танганки». Мне давали работу, я училась. Прошло два года, я встретила Леню Ярмольника – и началась совсем другая история. Но вот ощущение, что Володя многое в моей судьбе предопределил, у меня осталось. Если бы не он, все бы сложилось совсем иначе».

Вспоминает Л. Ярмольник: «Я проработал с Высоцким четыре года бок о бок. Некоторые его роли еще при его жизни перешли ко мне с его же согласия. А это дорого стоит. Правда, в число его близких друзей я не входил, но отношения между нами были самыми теплыми, товарищескими».

К Ярмольнику перешли не только роли Высоцкого... Через два года после смерти Высоцкого Оксана Афанасьева – последняя любовь Высоцкого – вышла замуж за Ярмольника. В ноябре 1983 года у них родилась дочь, которую называли Александрой.

С 1984 года Оксана стала работать театральным художником. На ее счету оформление нескольких десятков спектак-

лей в «Табакерке», во МХАТе, в «Современнике», в Театре на Малой Бронной.

Из интервью корреспондента «Известий» с Л. Ярмольником через двадцать лет:

– Вы каким-то образом, пусть бессознательно, учитываете, что в прошлом вашей супруги был Высоцкий?

– Как бы это странно ни звучало, я этому обстоятельству рад. Во-первых, я боготворил Высоцкого как артиста, поэта и личность. И я счастлив, что у нас с ним схожие вкусы! Это не самая плохая похожесть. Ведь я человек достаточно искушенный в этом отношении, и почему-то мне именно Ксюша виделась лучше всех. И Владимиру Семеновичу тоже так виделось.

Еще одно уголовное дело

В сентябре 80-го года пришлось понервничать В. Янкловичу и А. Федотову. Дело в том, что дом, в котором проживал Высоцкий, курировал участковый МВД П. Николаев, очень добросовестно выполняющий свои обязанности. Он довольно тесно контактировал с Высоцким и с остальными жильцами дома. Высоцкий уважительно с ним здоровался первым: *«Здравствуйте, Пал Палыч!»*

После похорон, на основании всяких разговоров, у *Пал Палыча* возникло подозрение, что Высоцкий умер не своей смертью. На Янкловича и Федотова хотели завести уголовное дело «о неосторожном убийстве». Главный мотив подозрения – сведения о том, что Высоцкий в состоянии «ломки» был связан простынями и в этом положении мог умереть. Участковый стал проводить самостоятельное расследование: собирал информацию у соседей, в театре, советовался с судмедэкспертом... Потом вызвал Янкловича и Федотова и предъявил им обвинение: «Вы совершили неосторожное убийство...»

В конце октября 80-го года собранная информация была передана в следственные органы. Однако в возбуждении уголовного дела было отказано, т. к. материалы, представленные участковым, основывались, скорее, на домыслах, чем на фактах. Главным здесь, конечно, было то, что Федотов сумел

получить свидетельство о смерти, избежав вскрытия.

Через 25 лет вспоминает Н. Высоцкий: «Когда умер отец, мне было 16 лет, и я видел, как люди стояли на коленях перед моими бабушкой и дедушкой, умоляя их не делать вскрытие, они говорили: “Не надо ЭТО им говорить, народ ведь его любит!”»

«Люди», стоявшие на коленях, – это Янклович и Федотов: один доставал наркоту, другой колол. Оба договорились о том, что будут молчать о наркомании. Здесь и мыслишки не было по поводу каких-то этических соображений относительно памяти Высоцкого. Был только страх за содеянное – противозаконное доставание и обеспечение «лекарством». Однако искус поделиться тайной был выше страха. Сначала Янклович рассказал В. Золотухину, потом – М. Козакову, потом – всем, всем, всем...

Из дневника В. Золотухина:

«20.09.1980 (Грозный). Ходили с Валерием на базар. Долго говорили о Володе, о последних периодах. Боже мой, я даже не знал, какая страсть губительная, болезнь, вернее, неизлечимая опутала его – наркомания... Вот оно что, оказывается. Совершенно далек я оказался в последние годы от него...»

Эти два Валерия считали себя «главными друзьями» Высоцкого. Один помогал ему умирать, другой – вообще ничего не знал о «друге».

Вспоминает М. Козаков: «После автокатастрофы я лежал в больничной палате с Валерием Янкловичем. На его маши-

не, пилотируемой нашим другом Игорем Шевцовым, мы и разбились по дороге в аэропорт «Домодедово». И вот, лежа ночью в палате на двоих, когда не спалось, Валерий рассказывал мне о жизни и обстоятельствах смерти своего друга.

Володя был, как теперь говорят многие, на игле. Поездка в Америку с Влади ускорила губительный процесс – там наркотики не проблема. У Марины сын наркоман, какова же была ее трагедия, когда она узнала про Володю. А он уже без этого не мог. Прибегал к всевозможным ухищрениям, симулировал боли и получал наркотики. Его все любили и не могли отказать».

Тайна перестала быть тайной. Через семь лет Влади расскажет о своем взгляде на смерть мужа, а Янклович, вторя ей, прокричит по телевидению на всю страну: «Она правильно сказала о той болезни, которой он **ежедневно** болел, **ежечасно** болел, **ежесекундно** болел...»

Поначалу Янклович умалчивал о том, кто снабжал Высоцкого «лекарством» и помогал ему **ежесекундно** «болеть» корысти ради. Потом он осмелеет, и наркомания «друга» станет основной темой воспоминаний личного наркодилера Высоцкого: «Для всех для нас это было не просто доставанием. Каждый раз было ощущение, что, попавшись... Это грозило определенным сроком... Это сейчас легко говорить... А тогда-то! И под суд могли пойти...»

Э. Володарский: «Это сейчас Янклович стал говорить, что он наркотики доставал, а тогда он вообще отрекался. Это

сейчас за давностью лет ему ничего не будет, вот он и заговорил. А как Володя перед ним на коленях стоял: «Дай, дай, дай!» – а тот говорил: «Вот отыграешь концерт – получишь». Это почему-то он не рассказывает».

В наше время Янклович был бы еще осторожнее. Наркомания стала мировой проблемой, и законы стали строже – статья 228 УК РФ за распространение наркотиков предусматривает наказание от 7 до 15 лет. А народ требует смертной казни! Иногда можно пожалеть, что существует понятие «за давностью лет»...

Анатолий Федотов и на похоронах Высоцкого, и на девять дней, и на сорок беспробудно пил. Он считал себя виноватым в случившемся, хотя никто его в этом не упрекал, да и не обвинял. Все прекрасно понимали, что Высоцкий сам шел к такому концу, – он всю свою жизнь самосжигал себя. Это была судьба, и было предрешиено...

В. Янклович: «Толя убедил себя в том, что виноват. Он ведь погиб точно так же, как Высоцкий. Потому что до конца своей жизни не мог смириться с тем, что как врач не смог вытащить Володю из наркоты. И буквально на следующий день после похорон Володи посадил сам себя на иглу, начав на своем организме эксперименты с опийными наркотиками. После чего часто прибегал ко мне домой и кричал: «Ну, все! Сейчас бы я Володю спас! Сейчас бы я его точно спас! Представляешь, колелся целый месяц, а потом принял свою вакцину и – перестал! Без всякой ломки!» Но, в конце кон-

цов, умер он точно так же, как Володя Высоцкий. Тоже от отмены. У себя в квартире, в постели».

СЫНОВЬЯ

Аркадий и Никита... На фотографиях, кино— и видеохрониках похорон Высоцкого рядом с гробом стоят двое юношей с поникшими головами. Повыше ростом — младший Никита, рядом Аркадий. На тот день Аркадию было без малого 18 лет, Никите — 16. Тогда к ним еще не пришло ощущение потери... Никита: «А потом это меня догнало, и я был совершенно раздавлен от проступившей ясности: никогда больше, никогда не увижу».

Через несколько лет после смерти отца в печати появляются интервью, и все узнают из их собственных уст о том, как складывалась жизнь, об отношении к отцу и его творчеству. Сложная миссия — быть детьми знаменитого человека. Нужно постоянно доказывать себе и окружающим, что ты не просто сын Высоцкого, а что-то представляешь сам по себе как личность.

И. Дыховичный: «Володя... он, конечно, детей своих любил, но странную любовью. Мучился, совестился — я это видел. Но уделять им внимания, жизнь и время мог по субботам: типа одна суббота в месяц — и все. Он старался помочь деньгами, откупиться, как все люди, чем мог. И это он делал. Но сказать, что он жил их жизнью, — нет, не жил. Володя жил своей жизнью. И это правда. И даже там, где он мог, с моей точки зрения, больше проявить себя как отец, он не шел

на это. И скорее всего оттого, что чувствовал: мало у него жизни осталось. Он себя экономил. Он не шел на роль показательного отца. Это я могу сказать точно. При этом он, конечно, любил детей и очень переживал, что они – их тоже в этом винить нельзя – видели его как папу, который приходит и дает конфетку в субботу. Или там на полчаса пойдет с ними погуляет. Не больше. Вы же понимаете, что это не жизнь с отцом для ребенка. И они ему на это в возрасте, когда им было 10–12 лет, начали отвечать. Я помню, что Володя считал, что они из него чего-то тянут – дай это, купи мне это. Но я никоим образом их не виню. Считаю, что это абсолютно нормально. Ты с нами так, и мы с тобой так. Но Володя по этому поводу очень переживал, ему это было неприятно. Хотя дети похожи на него очень. Голос у одного из них такой же, как у отца. И, в общем, они одаренные люди».

Аркадий

Аркадий окончил престижную в Москве физико-математическую школу № 2, увлекался астрономией. Увлечение было скорее романтическим, чем научным, но было отмечено четырьмя дипломами победителя астрономических олимпиад.

В 1980 году он сдает экзамены в Физико-технический институт в Долгопрудном и не проходит с проходным баллом. Причину объяснил сотрудник по режиму: «Мы не можем его взять: он останется без работы – его отец женат на иностранке и часто бывал за границей». Предложили другой факультет, не связанный с секретностью, но Аркадий отказался. Документы передали в МГУ. Театр на Таганке направил в приемную комиссию МГУ ходатайство. В школьной характеристике было написано: «Аркадий Высоцкий пропускал занятия, подвержен влиянию, пишет стихи, но вместе с тем мальчик способный...» Факультет вычислительной техники принял абитуриента, а театр поручил В. Золотухину быть его куратором. Золотухин «почувствовал себя опекуном и наставником», но наставлял слабо – после года учебы Аркадий решил, что это не для него, и бросил университет. Солидную библиотеку по астрономии он сдал в «Букинист», а 6 мая 1981 года сыграл свою первую свадьбу.

Из дневника В. Золотухина: «7.05.1981. Поехал во Дво-

рец бракосочетания, поздравил Аркадия и Таню. Заехали за Люсей, поехали на кладбище к Володе. Потом к Нине Максимовне. Потом на свадьбу. Был за хозяина, за тамаду. Пустил шапку по кругу, положил 50 рублей».

После женитьбы быстро появились дети – законная «отмазка» от службы в армии. Семью надо было кормить, и друг отца Вадим Туманов, взяв шефство над семьей, пристроил Аркадия на два сезона в золотодобывающую артель на юге Башкирии. Первый сезон начался 21 июля 1982 года. Работа в артели была настоящей школой жизни. Начав трудовую деятельность со свинарника, он освоил специальности плотника, сварщика, водителя, стоял у гидропульты на полигоне открытой добычи золота... Зарботки были большие. Аркадий: «Я жил среди людей достаточно мужественных, сильных. К Туманову слабый народ не попадал. Я тысячу рублей (советских) в месяц получал. Для двадцатилетнего юноши это было, конечно, много».

Его тянуло к писательству. Впечатления о работе в артели, увлечение астрономией и математикой, семейные предания, детские воспоминания – все это стало небольшой повестью. Впоследствии Аркадий выпустил книгу «Финский ветер», куда вошли его сценарии и стихи...

В. Золотухин: «9.02.84. Я читал стихи сына Володи – Аркадия – и до слез был тронут их чистотой, добротой и поэтической тоской, и не озлобленностью, и отсутствием поэтического и человеческого тщеславия. Был рад за него, как за

сына, тут же позвонил его матери («Люся, твой сын замечательный поэт!»), тут же отвез стихи в «Юность»...»

В 1984 году повесть и стихи Аркадий представил на конкурс сценарного факультета ВГИКа. Поступлением в институт кинематографии закончился этап поиска себя. Это было то, что надо, потому что уже во время учебы во ВГИКе по его сценариям были поставлены два короткометражных художественных фильма: «Неистовый Крейсберг» («Казахфильм», режиссер Мурат Альшев) и «Черная яма» (киностудия им. А. Довженко, режиссер Анатолий Матешко). Последний фильм получил приз на XXI Всесоюзном фестивале в Баку. Это была картина о детях, которые «пасутся» возле железной дороги, подбирая и коллекционируя «фирменный» мусор, выбрасываемый из международных поездов. Затем А. Матешко снял по сценарию А. Высоцкого полнометражную ленту с поэтическим названием «Зеленый огонь козы...». Содружество молодых кинематографистов определялось взаимопониманием – режиссеру нравилась неторопливая, «мелодичная» стилевая манера сценариста. В Киеве же по сценарию А. Высоцкого снята короткометражная картина «В дальний путь» (режиссер О. Янчук). Позднее Аркадий снимал фильм в Армении вместе с сокурсником по ВГИКу Рубеном Григоряном. Это была приключенческая история, затрагивающая проблемы взаимоотношений поколений.

В 2000 году маститый режиссер И. Масленников взялся

ставить фильм по сценарию А. Высоцкого «Бабочка над гербарием», который получил главный приз на конкурсе профессиональных сценариев, устроенном Гильдией сценаристов в Союзе кинематографистов. Всего драматург А. Высоцкий написал около тридцати сценариев...

Еще во время учебы в институте (1986 г.) попробовался старший сын Высоцкого в актерстве: «Сергей Соловьев снимал в Алма-Ате картину «Чужая Белая и Рябой» – я в это время там оказался: «Во, ты будешь играть!» У меня за всю картину была одна фраза: «Страшные деньги – сто рублей». Потом я сморкался и добавлял: «Страшные». Я не актер. И никогда не хотел им быть».

Похоже на кинематографический дебют отца в фильме «Сверстницы» – там у него тоже были только две фразы.

И еще о похожем и наследственном... В редакции одной из московских газет журналистка задала Аркадию Владимировичу нелегкий вопрос: «Я слышала много историй, связанных с вашим увлечением алкоголем и даже наркотиками. Правда ли это?» Аркадий Высоцкий ответил откровенно: «Как каждый ищущий человек, я, конечно, попробовал все. Я не знаю, чего я еще не попробовал. По-моему, такого нет. Но сказать, что я так тяжело зависим от наркотиков... Про алкоголь – другое дело. Да, я действительно считаю себя человеком не вполне здоровым. Вероятно, мне эта опасность угрожает больше, чем другим людям, просто в силу наследственности не очень хорошей. Но я очень рано это понял и

очень рано стал принимать меры. Какие только можно. И это помогло». Возможно, помогло и то, что поначалу неверующий Аркадий в 2004 году приобщился к церкви.

Некоторое время Аркадий работал таксистом, потом пришел в журналистику – работал на НТВ в программе Л. Новоженова «Времечко», затем перешел к В. Познеру, где в качестве автора сюжетов и редактора принял участие в выпуске нескольких передач: об отце, о Б. Окуджаве, о Р. Виктюке.

В апреле 2008 года канал «Россия» показал новый восьмисерийный фильм «Батюшка» по сценарию Аркадия Высоцкого и Давида Ройтберга. Это история о сорокалетнем моряке, который приехал в родное село в отпуск. А остался навсегда. Обрел любовь и свое место в жизни – стал сельским батюшкой. В основу сюжета легла книга настоящего московского священника – отца Ярослава (Шипова). Он же консультировал картину.

Последние годы Аркадий совмещает работу над сценариями с руководством информационным агентством Службы спасения Москвы.

Никита

«От отца мне достались жизнь, гены, внешнее сходство...»

Безусловно, пример отца сыграл роль в выборе профессии младшего сына – Никиты. Уже в десятом классе он сказал, что будет актером. Но с первого раза в театральный вуз не поступил. Год работал на военном заводе – собирал пылесосы «Чайка» – и с логопедом устранял некоторые недостатки речи. В 1982 году поступил в Школу-студию МХАТ на курс О. Ефремова, его педагогами были Алла Покровская и Андрей Мягков.

Н. Высоцкий: «У меня был интересный момент – я поступал в школу-студию МХАТ и меня увидел Ефремов на последнем просмотре. И вот, как мне передали, он сказал: «Хороший парень, но если он будет продолжать работать под отца, выгоню...» А я действительно тогда немного подвывал «под Высоцкого». У меня и так была мечта стать артистом, а отцовская смерть буквально впихнула меня в эту колею. От меня окружающие ждали только такого шага и не поняли бы, поступи я иначе. Так что, несомненно, в этом была какая-то запрограммированность. Да что там говорить! Думаю, будь я хромым, кривым, слабоумным – меня все равно бы взяли. Потому что на дворе был 1982 год, еще свежа память об от-

це, у многих был комплекс вины перед ним, и не взять в студию, которую он окончил двадцать лет назад, сына просто не могли. Но это так на меня подействовало – я просто не имел права учиться плохо. И я пахал, как лошадь, – всего одна четверка за все годы учебы и, как следствие, красный диплом.

Когда я начал выходить на профессиональную сцену, обычно первые пять минут слышал шепот «похож – не похож». И это на любой площадке, где бы ни играл. Но я нисколько не стесняюсь своего родства. Наоборот – доволен и горжусь им. И хочу, чтобы мои дети через какое-то время говорили, что они похожи на меня. А вообще – это не беда. В 95 % рецензий, высказываний обо мне как об актере, режиссере, директоре музея присутствует тема сравнения меня и отца. Ну что же делать? Я к этому привык. Я с этим вырос».

Сначала, сравнивая Никиту с отцом, обнаруживали сходство, позднее отыскивали различия. Сын при наличии и слуха, и голоса – досталось от отца – не поет, совсем не похож на отца по темпераменту: у Никиты замедленная речь, ходит вперевалочку. А Владимир Высоцкий запомнился многим своей невероятной стремительностью. Да и сам Никита сказал в одном из интервью: «Я считаю, что я не похож на отца ни внешне, ни внутренне...»

В мастерской А. Мягкова Никита сыграл Фигаро, Тиля Уленшпигеля, Скалозуба, Дон Гуана...

Н. Высоцкий: «Мне было очень интересно работать над

ролью Дон Гуана. Но я старался найти свои интонации, по-своему сыграть пушкинского героя. Раньше я старался быть во всем похожим на отца, благо его интонации были в памяти: я говорил его голосом, я пытался повторить его... Но сейчас я переболел этим: копия в искусстве всегда хуже оригинала».

После окончания Школы-студии в 1986 году Никиту забрали в армию. Он служил в Прикарпатском ВО и последние полгода в Москве – в Центральном театре Советской Армии в солдатско-актерской группе: «Я не могу сказать, что это было мне преподнесено на блюдечке с голубой каемочкой, я очень хотел попасть в этот театр, хотел домой, где меня ждала жена и маленький, родившийся, когда я служил, сын. И моя бабушка пошла, поговорила с народным артистом Советского Союза Зельдиным, который работал в Театре Советской Армии, и он меня вытащил через ГлавПУР, и где-то через год я вернулся. И последние полгода я дослуживал в Театре Советской Армии».

Одновременно он репетировал и играл в молодежном отделении театра «Современник» – «Современник-2» – под руководством Михаила Ефремова. Здесь играли Михаил Ефремов, Мария Евстигнеева, Вячеслав Невинный. Публика приходила смотреть, прежде всего, на актерских детей. Это порой создавало нездоровый интерес и откровенно предвзятые мнения. Но это не была труппа «по блату», здесь

присутствовали актерские гены. Да и не обязан человек перед кем-то оправдываться за свое рождение.

Здесь у Никиты были две роли, которые, по отзывам критиков, показали его как талантливого актера: роль Геракла в пьесе М. Рощина «Седьмой подвиг Геракла» (постановка Романа Мхеидзе) и главная роль в спектакле по мотивам рассказа Л. Андреева «Тьма» и «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского.

Летом 1989 года Никита вместе с группой актеров уходит из «Современника-2». Они организуют свой театр, который назывался «Московский маленький театр».

Вот как об этом писала в 1991 году газета «Собеседник»: «Наследственность. Никита Высоцкий, сын Владимира Высоцкого, в сравнении со своим невысоким отцом кажется великаном – почти два метра ростом. В прошлом – баскетболист и гусар, в том смысле, что не дурак был выпить и насчет женского пола. Сегодня создал свой театр, поставил несколько спектаклей, посмотрев которые не пожалеешь о времени».

Н. Высоцкий: «Мне показалось, что мы топчемся на месте, что мы внутренне не свободны, занимаемся скорее политикой, мне же захотелось заниматься чистым искусством. Казалось: соберу людей, найду какие-то деньги, помещение, зритель будет идти и будем жить сами по себе».

Спектакли ставил однокурсник Никиты – Рашид Тугушев, а помогал Р. Виктюк. Играли «Тьму», поставленную

еще в «Современнике-2», и поставили «Но до воскресенья ты здесь, со мной» по пьесам Людмилы Петрушевской. После нескольких сезонов из-за финансовых трудностей периода гайдаровских реформ театр «сгорел».

Н. Высоцкий: «У меня была команда из семи актеров, я был художественным руководителем этого маленького театра. Мы очень прилично работали, но это пришлось на такое время, что, собирая аншлаги, мы работали себе в убыток. Не помогли даже мои друзья-меценаты. Это было время галопирующей инфляции, а театры очень долго не поднимали цены на билеты, и я, сыграв четыре спектакля в зале на 1100 зрителей, остался должен за аренду, за транспорт...»

Попробовал себя Никита и в кинорежиссуре. Вместе с Р. Тугушевым они поставили в 1995 году фильм с не очень понятным названием «Suspens. Север-Юг», посвященный проблеме межрелигиозного и межнационального общения. Критика фильм дружно обругала, назвав его «элитарным». «Даже мой старший брат Аркадий так и не нашел для меня теплых слов после этого фильма», – с обидой рассказывал Никита. Однако сам режиссер считает эту картину единственной, за которую ему не стыдно.

Было несколько актерских работ в кино.

В 88-м Никита снялся в совместном советско-польском «Дежа вю», в 90-м великолепно сыграл роль Сержанта в кинофильме по самой знаменитой пьесе Агаты Кристи «Мышеловка», в 98-м снялся в небольшой роли в фильме «Тесты

для настоящих мужчин».

В 91-м «Мосфильм» выпустил фильм по сценарию И. Агеева, в постановке Н. Орлова, – «Призрак». Никита сыграл главную роль – Николая Гришаева, борца-одиночки с рыбной мафией на Волге. Примечательным здесь было то, что его партнером по фильму был Ростислав Янковский, с которым отец снимался в 67-м в фильме «Служили два товарища».

Вместе со своим однокурсником по ВГИКу Романом Качановым сняли в 1992 году фильм «Урод», где Никита снялся в главной роли. Сюжет фильма необычен: в одном родильном доме у женщины родился необыкновенный младенец... тридцати лет. И «младенец» этот обладал уникальными способностями делать самые что ни на есть необычные вещи. В результате фантазмагорических приключений с прекрасной иностранкой (ее играет американская актриса Джоан Стингрей) герою фильма удастся попасть за границу...

Всего к 2004 году Никита Высоцкий снялся в тринадцати фильмах: «Дежа вю» (1988), «Мышеловка» (1990), «Наутилус» (1990), «Ха-би-ассы» (1990), «Призрак» (1991), «Время вашей жизни» (1992), «Казино» (1992), «Урод» (1993), «Suspens. Север-Юг» (1995), «Тесты для настоящих мужчин» (1998), «Максимилиан» (1999), «Жизнь продолжается» (2002), «Слушатель» (2004).

Приглашали его в Театр на Таганке в спектакль «Владимир Высоцкий», где он заменял заболевшего Л. Филатова.

Остались довольно тусклые воспоминания об этом периоде.

Н. Высоцкий: «А потом совершенно неожиданно для меня предложили написать заявление о приеме в труппу театра. Я написал... И играл почти весь сезон, но только в этом спектакле, в другие меня не распределяли. Вначале я вышел из труппы, а потом постепенно перестал играть и в этом спектакле. Я понял, что я не актер этого театра, и у меня не сложились отношения – ни плохие, ни хорошие – с Юрием Петровичем Любимовым. А ведь Театр на Таганке – абсолютно любимовский, и если по каким-то причинам у него не складываются отношения с актером, то ждать чего-то бесполезно».

В 1993 году Никита побывал на Фестивале некоммерческой эстрады в Сан-Ремо, который был целиком посвящен Владимиру Высоцкому, ездил вместе с Золотухиным в США со специальной программой.

В мае 96-го года Золотухин, Смехов и Никита Высоцкий едут с концертами в Израиль.

В. Золотухин: «Конечно, Никита, его похожесть на отца и лицом, и голосом вызывает у людей определенный круг ассоциаций, и это окрашивает все наше пребывание на сцене мощным излучением присутствия Владимира Высоцкого. Что-то в этом есть мистическое, это не очень объяснишь словами. Кто-то скажет: спекуляция, и опять у гроба. Но это не так. Он сам по себе, Никита, личность не мелкая, и по росту, и по воззрениям.

Страшно много зрительского внимания тратится на рассмотрение, расшифровку этого генетического явления. К тому же в зале вчера сидела бабушка его Нина Максимовна. Ей 84 года, и она каждый год (а может быть, второй всего) летает сюда. «Это мой курорт», – сказала она вчера».

В феврале 1997 года В. Золотухин и Н. Высоцкий совершают концертное турне по Германии и Франции.

В. Золотухин: «19 февраля 1997 г. Вчера мы ездили из Бренера с Никитой в Эберсвальд, где с 1945 по 1948 год жил маленький Володя с отцом-майором и т. Женей. Шел дождь, но мы с энтузиазмом исследователей фотографировали дома и перекрестки. В одном из этих домов...

Много рассказов Никиты о деде, о бабе Нине, об Аркадии, который стал собственником, бюргером – строит дом в Тарусе, за который уже сейчас дают 60–70 тыс. долларов, иностранная машина... “А мы с Анькой бедные родственники – ни кола ни двора, кроме многочисленной родни Аньки...”»

По велению души Никита Высоцкий в 1996 году стал директором Музея Владимира Высоцкого, совмещая эту работу с игрой в театре. Правда, театру он уделяет все меньше и меньше времени: «Работа в театре и кино трудно совмещается с другими обязанностями – администратора, продюсера, чиновника... Так что считайте, основное мое занятие – руководство музейным центром и фондом Владимира Высоцкого. А с театром и кино у меня легкий флирт».

Сыновья Высоцкого имеют разные взгляды на пропаганду

творчества отца и памяти о нем.

Никита: «Мне кажется, Высоцкого надо раскручивать, надо продюсировать. В условиях, когда море всякой информации, над его памятью надо работать... Гибнут пленки, на которых записан его голос, выцветают фотографии, пропадают архивы...»

Аркадий (из интервью немецкому режиссеру Гюнтеру Котэ, 1988 год): «О Высоцком по-прежнему много пишут и много говорят. Пишут... Я думаю, что сейчас еще не время писать. Должен пройти какой-то большой промежуток времени после того, как мы окончательно простились с ним как с живым человеком. Надо, чтобы жизнь простилась со свидетелями. Как говорила Ахматова: «И нет уже свидетелей событий...» Вот когда нет свидетелей событий, когда никто не выступит в газете с опровержением по поводу научной работы, когда ученый не будет бояться, что его не так поймут, что Нина Максимовна не обидится, если кого-то там не упомянут с Первой Мещанской, а Семен Владимирович не обидится, что кого-то не упомянут с Большого Каретного, а про кого-то сказали чуть больше, а про кого-то чуть меньше... И пока это не будет висеть над пишущими серьезными людьми, до тех пор писать не надо.

Высоцкий умер. Это надо понять, признать, с этим надо согласиться и жить дальше. У него есть песня про подводную лодку: *«Лечь бы на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать...»* Это те слова, которые могут быть сейчас

правильно поняты, — надо оставить в покое этого человека.

Если я даю это интервью и если я вообще общаюсь по этому поводу, я это делаю только потому, что это делается для западного зрителя, для которого, возможно, еще не пришло время проститься с живым Высоцким. В этой стране, мне кажется, надо замолчать. Это самое лучшее, что можно сделать в память о Владимире Высоцком. И тогда, сквозь это молчание, станет слышен его голос. Потому что сейчас его голос, каким бы он ни был громким, какие бы прекрасные слова он ни произносил и пел... этот голос не слышен в том гвалте, который поднят вокруг этого имени.

Не надо его хвалить, не надо цитировать его песни. Он достаточно хорошо их пел сам, играл хорошо. Конечно, нужно издавать книги, издавать песни, конечно, нужно показывать фильмы. Но есть какая-то грань, которую нельзя переходить, после которой человек из действительно всенародно любимого и популярного превращается в пустое сочетание звуков для тех, кто не помнит его живым».

Призывая не цитировать песни Высоцкого, трудно самому удержаться. В конце 2002 года Аркадий привез в Израиль новый фильм «Письма к Эльзе», снятый по его сценарию Игорем Масленниковым. В финале фильма звучит песня на стихи Высоцкого *«Живу я в лучшем из миров...»*.

Согласна со старшим сыном и Л. Абрамова: «Про него не надо много знать, не надо много информации. Нужно слышать его голос, прежде всего...»

Мнение Аркадия можно оспорить, но и через 15 лет он его не изменит, предлагая новую отсрочку для откровенного разговора об отце: «Надо обождать. Может быть, даже еще лет десять... Мы уже понимаем, что он не остался в той эпохе, в которой жил. И чем дальше, тем больше все то, что связано с именем Высоцкого, будет очищаться от этой шелухи и шлака, которых сейчас – хоть отбавляй. Очень много интерпретаций, вранья... Порой это становится оскорбительным для памяти Высоцкого. Его ведь нет, чтобы ответить на все эти гадости...»

Надо отдать должное Аркадию – он по мере сил выдерживает линию умолчания. Зато у его мамы морально-этический раздрай: «Надо по возможности говорить правду... Страшно хочется правды, но тормоза есть у всех. И у меня тоже. Кто-то кого-то или чего-то боится... Я, например, боюсь Нину Максимовну. И боюсь именно правду сказать или написать, потому что боюсь ее задеть или обидеть».

А в другом интервью она уже никого не боится: «Чем больше мы узнаем правды – пусть самой горькой, – тем скорее поймем, что никакая правда не может бросить тень ни на Володю, ни на нас...»

Есть интересная сравнительная характеристика характеров Аркадия и Никиты, высказанная однажды в интервью Лидией Сарновой: «И я вам честно скажу, что Аркашу люблю больше, чем Никиту. Потому что он теплый человек, доб-

рый, близкий мне по духу... Никита сухой. И Женечка тоже всегда говорила об этом. Аркадий вспыльчивый, Аркадий неумный, но лучше быть таким, чем держать все в себе...»

В 42 года Высоцкий не увидел своих детей взрослыми, состоявшимися людьми и, конечно же, не увидел внуков. У Аркадия пятеро детей: Владимир, Наталья, Никита, Михаил и Машенька. Дочь Наташа (Наама) окончила университет в США, там вышла замуж за ортодоксального еврея Шломо Теплицкого, занималась переводами текстов деда на английский язык. Третья жена Аркадия работает в Москве референтом-переводчиком. Сын Владимир любит музыку, Никита увлекается историей, 12 января 2003 года родился третий сын, а Маше в 2005 году исполнился один год.

Старший сын Никиты – Семен – учился на юридическом факультете, но мечтает стать театральным режиссером. Живет в Киеве со своей мамой. Дети повторяют судьбу родителей. Отец Никиты разошелся с Людмилой Абрамовой, когда Никите было четыре года. В такой же ситуации оказался и Никита, когда его сыну Семену было неполных шесть лет. Он периодически с ним встречается, что-то ему дарит, поздравляет с праздниками... Так же вел себя по отношению к своим детям В. Высоцкий.

В 1988 году у Никиты во втором браке родился сын – Даниил. С 2007 года он студент Института стран Азии и Африки, изучает китайский язык.

И еще... Из интервью Никиты Высоцкого: «...Когда он умер, все говорили, что мы не отдали ему то, что должны были отдать. Может быть, какой-то детский звонок, детское внимание, слово хорошее было бы полезнее, чем какие-то медицинские меры... Мы очень много ему недодали...

Первые дни я ходил молча, и мне казалось, что это никогда не закончится. И только потом меня пробило на слезы. Когда очухался, первым ощущением было не только то, что я больше не увижу отца, а то, что ушло из жизни что-то такое, что надо было ловить каждое мгновение. Понял, каким я был балбесом и не ценил того, кто был рядом».

Барды – Высоцкому

Слушая Высоцкого, я, в сущности, впервые понял, что Орфей древнегреческий, играющий на струнах собственного сердца, – никакая это не выдумка, а самая настоящая правда.

Юрий Карякин

26 декабря 1980 года Московский клуб самодеятельной песни в Доме культуры «Прожектор», что на шоссе Энтузиастов, организовал вечер памяти Владимира Высоцкого. За несколько дней до вечера о нем знала вся Москва, и власти побоялись его отменить, но окружили здание ДК тройным милицейским кордоном.

На сцене слева стоял большой фотографический портрет Высоцкого, лежали гвоздики, и стояла его гитара, одолженная на этот вечер матерью поэта.

Те, кто выходил к микрофону, пели и для зала, и для Высоцкого. Те, кто аплодировали, – аплодировали и выступавшему, и ему... Среди выступавших были те, кто сочинил стихи или песни, прямо посвященные Высоцкому, другие читали стихи, соответствующие моменту.

Открыл вечер Юлий Ким:

Удалой, безоглядный, прокуренный,
Потрясающий голос его.

Как гулял, щеголял, бедокурил он,
Но печалился больше всего.

Так печалился, вскрикивал, маялся,
Проклинал и прощенья просил,
Но ни разу он так не отчаялся,
Чтоб надеяться не было сил.

Обложили, флажков повешали,
Вьют веревочку в плетъ и в петлю...
Ах, кривые, нелегкие, лешие,
Все равно я куплет допою...

Мои кони и пляшут, и хмурятся:
Все не так, все не то...
И поет – аж, бывало, зажмурится,
Чтобы доверху, донельзя, чтобы до...

Мне выпала почетная и трудная роль открыть этот вечер, поводом для которого послужило событие трагическое, всем вам известное, свежее. Поэтому комментировать его необходимости нет. Только скажу, что необязательно петь только грустное на этом вечере. Володя Высоцкий был человек глубокий, широкий, и пусть прозвучит и веселое...

Александр Ткачев: «Я не буду говорить о том, какой Высоцкий был поэт, какой человек... Я хочу спеть эту единственную песню. В ней я попытался сказать все.

Что так тихо? – кричу, а вокруг пустота —
сон от яви уже не могу отличить.
Эй, апостол, давай, закрывай ворота!
Никого не пускай, на земле дай пожить!

Эту горечь тебе ни за что не понять —
там ведь в небе для вас херувимы поют.
Спрячь ключи от ворот, погоди отворять...
Ну, зачем он вам там? Пусть другие войдут.

Но все кончено...
Крик оборвался, спазмы сжаты, и горло немеет.
Мир проснулся и не разрыдался.
Видно, мир безнадежно болеет.

Что ж, помянем его – пусть наступит покой.
Мы устали рубцы до крови раздирать,
кулаками бить в грудь, захлебнувшись строкой,
а потом, похмелясь, все по-новой прощать.

Да и совесть молчит – неуютно ей тут.
Лишь заденешь струну – испугавшись, замрет.
Где-то музы оркестрами сводными лгут...
Только совесть в набат, словно в колокол, бьет.

Перестроить охрипшую лиру —
не хватило годов, слава богу.
Но надорванный голос по миру,

как в войну, объявляет тревогу.

Все молчали, лишь струны не дали уснуть...
Где же ваши слова? Где же ваши дела?
В темноте, задрожав, пробивали нам путь.
А поводом нам наша совесть была.

Уже каждый слова для себя подобрал,
только рта не раскрыть да не выплюнуть их.
Но нашелся чужак: и за всех откричал,
и за всех отстрадал – да сорвался, затих...

Ах, как трудно болеть за Россию!
Каждый крик – в сердце пуля шальная.
И рыдать, и смеяться над нею,
материться, шепча: Дорогая!

Как хотелось писать о любви, о весне,
о прозрачных мечтах с голубым кораблем.
Но когда в душах хворь – боль дрожит на струне.
Все же, морщась, не мед – зелье горькое пьем!

Вот бы песню сложить, чтобы враз обо всем!
Только сердце одно, да и жизнь коротка.
Почему ж, как струну, свои нервы мы рвем?
Знать отступит болезнь, знать цена велика...

Ах, как тошно от сладкой надежды!
Век не наш – времена исцеления.

Но меж прошлым и будущим между
в душу брошены зерна сомненья.

Мне бы зубы сомкнуть, закусить бы губу
до кровавых молитв, до вопросов немых...
Бросить к черту дела да задуть в ту трубу,
созывая всех тех, кого нету в живых.

И последний парад, и по коням – вперед!
Пусть несется в сердцах сумасшедшая рать.
А стрела своего супостата найдет —
ведь ей право дано второй раз выбирать...

Не окончена времени повесть,
и ни времени нет, и ни рода...
Лишь на совесть зарытая совесть
на Ваганьково, справа от входа».

Булат Окуджава: «Ну, много уже здесь... И вообще за это время много уже говорили об этом трагическом происшествии. Но я думаю, что самое ужасное заключается не в том, что это случилось, а в том, что Высоцкий до последнего дня мечтал увидеть свои стихи опубликованными. Так это и не произошло... Мечтал выступить с афишей – не было. Вот, я думаю, это самое печальное. Очень короткая песня в его память...

О Володе Высоцком я песню придумать решил:

вот еще одному не вернуться назад из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа.

Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
отправляться и нам по следам по его по горячим.
Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон,
ну а мы вместе с ним посмеемся и вместе поплачем.

О Володе Высоцком я песню придумать хотел,
но дрожала рука, и мотив со стихом не сходился...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
черный аист московский на черную землю спустился».

Вероника Долина:

Поль Мориа, уймите скрипки!
К чему нагрузки?
Его натруженные хрипы —
Не по-французски.

Пока строка, как уголь, жжется —
Пластинка трется.
Пусть помолчит, побережется —
Не то сорвется.

Всадник утренний проскачет,
Близкой боли не тая,
Чья-то женщина заплачет,

Вероятно, не твоя.

Лик печальный, голос дальний —
До небес подать рукой.
До свиданья, до свиданья,
До свиданья, дорогой!

А кто-то Гамлета играет,
Над кем не каплет.
И новый Гамлет умирает —
Прощайте, Гамлет!

Но вот и публика стихает,
Как будто чует.
Пусть помолчит, не выдыхает —
Его минует.

По таганским венам узким
Изливается Москва.
А вдова с лицом французским —
Будет много лет жива.

Вон газетчик иностранный
Дико крутит головой.
Кто-то странный, кто-то пьяный,
Кто-то сам — полуживой.

Усни спокойно, мой сыночек, —
Никто не плачет.

О, этот мир для одиночек
Так много значит!

Переулочек глубокий —
Нету близкого лица.
Одинокий, одинокий,
Одинокий — до конца...

Александр Дольский: «Сейчас много песен появилось памяти Высоцкого. Почти каждый автор сочиняет посвященную его памяти песню. Я считаю, что это хорошо, это правильно... Еще долго его образ и его творчество будут вдохновлять поэтов.

Я горжусь тем, что сочинил песню, посвященную ему, когда он был жив. Он знал эту песню. В ней, естественно, говорится о Высоцком как о живом. Я думаю, это и правильно...

Словно тысячи тысяч оркестров
разодрали мелодии плоть —
миллионы нещадных маэстро
стали палочкой сердце колоть.

Будто бич резал напропалую,
этот ритм, что у пульса в плену, —
оплеухи нужней поцелуев —
поцелуям мы знаем цену.

И слова зазвучали, как клекот

пораженного насмерть орла,
полоснули до горла от легких,
и ворочалась совесть и жгла.

Я увидел, как он изначален,
облекая в простые слова
наши муки, и смех, и печали,
как повинна его голова.

Приоткрыл он понятия и вещи,
что казались яснее всего.
Несчастливый становится вещим —
это счастье для паствы его.

А за мужеством (как ни усердствуй)
проступает, печалью дыша,
уязвимое, нежное сердце
и трепещет живая душа.

Если падает бард и скиталец,
побежденный глаголом успех,
то все ложи пока свои пальцы
поднимают с улыбками вверх.

И явилась мне, как откровенье,
эта мысль, что подспудно жила:
счастье есть не в удовлетворенье,
а в способности страстно желать.

На подмостках судьбы и театра
исступленно хрипит на весь свет
осужденный на жизнь гладиатор,
обреченный на вечность поэт».

Александр Городницкий:

Погиб поэт. Так умирает Гамлет,
Опробованный ядом и клинком.
Погиб поэт. А мы вот живы – нам ли
Судить о нем, как встарь, обиняком?

Его словами мелкими не троньте:
Что ваши сплетни суетные все!
Судьба поэта – умирать на фронте,
Мечтая о нейтральной полосе.

Где нынче вы, его единовверцы,
Любимые и верные друзья?
Погиб поэт – не выдержало сердце:
ему и было выдержать нельзя!

Толкуют громко шуты и невежды
Над лопнувшей гитарною струной.
Погиб поэт, и нет уже надежды,
Что это просто слух очередной.

Теперь от популярности дурацкой
ушел он за другие рубежи.

Тревожным сном он спит в могиле братской,
Где Русская поэзия лежит.

Своей былинной не истратив силы,
Умолк поэт, набравши в рот воды,
И голос потерявшая Россия
не понимает собственной беды.

А на дворе осенние капли
И наших судеб тлеющая нить.
Но сколько песен все бы мы ни пели,
его нам одного не заменить!

На вечере также выступили А. Дулов, В. Егоров, В. Тури-
янский, С. Никитин, В. Берковский...

И был на вечере сам Владимир Высоцкий: вначале – во
фрагменте из фильма «Срочно требуется песня», а в конце
прозвучала фонограмма его песни *«Натянутый канат»*...

Не на этом вечере, а на многих своих выступлениях дру-
гие авторы пели свои песни, посвященные Владимиру Вы-
соцкому.

Александр Розенбаум

Дорога на Ваганьково

Над заснеженным садиком
Одинокий фонарь,
И, как свежая ссадина,
Жжет мне сердце луна.
В эту полночь щемящую
Не заказан мне путь
На Ваганьково кладбище,
Где он лег отдохнуть.

Я пойду, слыша плач иных
Инквизиторских стран,
Мимо тел раскоряченных,
Мимо дыб и сутан...
Долго будет звенеть еще
Тех помостов пила...
Я пойду, цепенеющий
От величия зла.

Пистолеты дуэльные
Различаю во мгле,
Два поэта расстреляны и
Не на папской земле.
Офицерам молоденьким

Век убийцами слыть.
Ах Володя, Володенька,
А нам кого обвинить?

И во взгляде рассеянном
Возле петли тугой
Промелькнет вдруг Есенина
Русочубая боль.
Рты распахнуты матерно —
Вижу пьяных господ
Над заблеванной скатертью
Велимировских од.

Вижу избы тарусские,
Комарова снега,
Две великие русские,
Две подруги богам.
Дом на спуске Андреевском,
Где же доска, кто в нем жил?
Но мы все же надеемся,
В грудь встречая ножи.

Проплывают видения,
И хочу закричать —
Родились не злодеями,
Так доколе ж нам лгать?
Я стою перед «Банькою»,
Я закончил свой путь,
Я пришел на Ваганьково,

Где он лег отдохнуть...

Андрей Макаревич: «У Высоцкого было «три аккорда», но это именно те три аккорда, которые идеально соответствуют его стихам. И это настоящая музыка: мелодий на три аккорда у него колоссальное множество».

Я разбил об асфальт
расписные стеклянные детские замки,
Стала тверже рука,
и изысканней слог, и уверенней шаг.
Только что-то не так,
если страшно молчит,
растерявшись, толпа на Таганке,
Если столько цветов,
бесполезных цветов
в бесполезных руках...
И тогда я решил
убежать, обмануть, обвести
обнаглевшее время,
Я явился тайком
в те места, куда вход
для меня запрещен.
Я стучался в свой дом,
где вчера до звонка
доставал еле-еле,
И дурманил меня
сладкий запах забытых
ушедших времен.

И казалось, вот-вот заскрипят и откроются
мертвые двери.

Я войду во вчера, я вернусь,
словно с дальнего фронта, домой,
Я им все расскажу, что с ним будет,
и, может быть, кто-то поверит,
И удастся тогда хоть немного свернуть,
хоть немного пройти стороной...

И никто не открыл.

Ни души в заколоченном,
брошенном доме.

Я не смог отойти,
и стоял, как в больном
затянувшемся сне.

Это злая судьба,
если кто-то опять не допел
и кого-то хоронят,
Это время ушло,
и ушло навсегда...

И случайно вернулось ко мне.

Юрий Кукин: «Если лететь на самолете и смотреть на облака, а облачность плотная, то простирающееся внизу бесконечное пространство кажется кем-то населенным, там должно что-то происходить... Написал мелодию, но никак не получались слова. Однажды проснулся ночью и написал их все сразу. А утром узнал, что в Москве в эту ночь умер Владимир Высоцкий. И по странному стечению обстоятельств со-

держание песни как-то совпало с этим событием».

Палатка в облаках,
Не помнил я, куда летел,
Не видел рядом спящих тел.
С пробитой вестью головой,
И безразлично, что живой,
И безразлично, что живой.

А подо мной белым-бела
Равнина облаков плыла,
И вижу сквозь нечеткость век:
По ней плетется человек,
По ней плетется человек.

И стало мне пустынно вдруг:
Ведь это мой погибший друг.
И холодочек по спине:
Вот он махнул рукою мне,
Вот он махнул рукою мне.

Нет, это сон всему виной,
И вновь все пусто подо мной
И боль укутал мысли шелк:
Куда он шел, куда он шел,
К кому он шел, к кому он шел?

И где б ни сел мой самолет,
Меня в пустыне этой ждет

Мой друг, и ждет меня, пока
Моя палатка в облаках,
Моя палатка в облаках.

Олег Даль

Есть люди, которые олицетворяют собой понятие «современный актер». Олег Даль был олицетворением этого понятия. Так же, как и Высоцкий. Их сравнить не с кем. Оба были пропитаны жизнью. Они сами ее сильно испытали. Даль так часто опускался, а потом так сильно возвышался. А ведь вся эта амплитуда остается в душе. То же самое и у Высоцкого. Это сказывалось и на образах...

Анатолий Эфрос

Утром 25 января 1981 года – в день рождения В. Высоцкого – Олег Даль сказал своей жене: «Мне снился Володя. Он меня зовет». – «Ничего, Олежечка... Он подождет...» – попыталась успокоить его Лиза.

Владимир Высоцкий и Олег Даль... Многие ставят эти имена рядом. Они встретились в фильме И. Хейфица, поставленном по чеховской «Дуэли». Хейфиц, чуткий и прозорливый художник, угадал их глубочайшую внутреннюю связь.

О том, как непросто было соединить в картине этих двух «плохих хороших» людей, рассказывает Елизавета Даль: «Хейфиц – человек осторожный вообще... вдруг такой фортель выкинул: взял Даля – человека, которому запрещено на «Ленфильме» сниматься, после того как он похлопал рукой

по шляпе директора студии Киселева! И Высоцкого, который вообще везде был запрещенный! И вдруг Хейфиц берет этих двух – полный нонсенс! И мало того. Киселев ему говорит: «НЕТ!!!» Хейфиц едет к нему на дачу и уговаривает. Тот орет: «Или я – или Даль!» И Хейфиц говорит: «Ну... Даль... тогда». И на этом все кончается, потому что Иосиф Ефимович был тогда «шишкой» – секретарем правления Ленинградского отделения СК СССР. Так что он настоял на своем».

В фильме «Плохой хороший человек» четко прорисовались уже определившиеся темы. У Высоцкого – человека слабого в своей силе, у Даля – сильного в своей слабости. Они и в жизни были такими. Приземистый, крепкий Высоцкий вдруг обнажал в сверкающей улыбке зубы, а в глазах появлялось что-то детское, почти трогательное. И хрупкий, тонкий, изящный Даль с неприступным видом проходил после репетиций или спектакля мимо коллег. Одни видели в нем эталон актерского профессионализма, другие называли его гениальным дилетантом. Одни восхищались его удивительным жизнелюбием, другие вспоминали приступы черной меланхолии. Его постоянно мучило чувство собственной неудовлетворенности и самоедство. Аккуратизм в быту и организованность в работе соседствовали с глубокими и злыми запоями в полужнакомых компаниях.

Интересные воспоминания и сравнения этих неординарных личностей сделал режиссер Г. Полока в интервью В. Пе-

ревозчикову: "...сравнивать судьбу Высоцкого с судьбой Олега Даля – это форменное безобразие. Ведь Олег Даль имел счастливую официальную судьбу, он сыграл огромное количество ролей, и чаще всего главных... Даль почти всегда имел выбор из двух или трех ролей, работал с ведущими режиссерами... И главные роли он начал играть еще студентом. Представляете?! Разве можно сравнивать с Высоцким? Из театров Даль уходил, всегда хлопнув дверью, если что-нибудь делалось не так, как он хотел. И, в отличие от Володи, он был алкоголиком. Не пил он только последние два года, когда положение уже стало отчаянным. Когда он женился на Лизе Апраксиной, моей монтажнице... Это тот случай, когда вопреки официальной роскошной судьбе человек сам себе устроил трагедию. А Володя – в силу своей физиологии – просто не мог быть алкоголиком. Он был запойным человеком, но не алкоголиком, а это разные конституции. Володя раз или два в год «развязывал», пил несколько дней – это кончалось «скорой помощью»... И начинался долгий мучительный процесс «выхода»... У него были перерывы по два-три года. А ведь он мечтал о норме. «Я мечтаю, – говорил он мне, – чтобы выпить одну-две рюмки, как нормальный человек, и не входить после этого в «штопор». А вместо этого я полгода пью воду, и все это кончается взрывом»”.

И все же... Олег и Владимир не были приятелями на каждый день, общались редко, не дружили домами, но духовная связь между ними была прочнейшая. Они понимали, чув-

ствовали друг друга. Их объединяли талант, способность выразить себя, несмотря на непонимание коллег, конфликты с режиссерами, запреты и окрики высокого начальства. Им и не везло как-то параллельно: одному – с кино, другому – с театром. Одному просто не давали сниматься, другого замалчивали, при каждой возможности наказывали. И, конечно же, обоим – никаких знаков официального признания. Для обоих двадцать лет жизни в искусстве были актом саможжения, но ни одного ни другого не удостоили звания «заслуженного», хотя другие рядом и вокруг становились «народными» и лауреатами. Незадолго до смерти на концерте ведущий оговорился, назвав Даля «народным артистом». И Даль его тут же поправил: «Я не народный, я – инородный». Фильмы с их участием укладывали на полку, как «противоречащие принципам социалистического реализма». Очень сильно сыгранная Высоцким роль Бродского в «Интервенции» и одна из лучших ролей Даля – Зилов в фильме «Отпуск в сентябре» по пьесе А. Вампилова «Утиная охота» – были недоступны для зрителя до 1987 года. Даже в движении к смерти у обоих была какая-то дьявольская синхронность, и даже памятники ставились обоим в одно и то же время.

И. Хейфиц: «Олег очень любил Высоцкого. Он любил его как человека, любил, может быть, не его актерское творчество, но его личность, его поэзию, его песни. Никогда об этом прямо не говорил, но вот хотя бы по этой фразе: «После Володи останутся его песни...» – это становится ясно.

Его смерть очень тяжело подействовала на Олега. И часто он повторял: «Ну вот, скоро и моя очередь пойти к Володе».

В январе 81-го Даль написал стихотворение – «В. Высоцкому. Брату»

Сейчас я вспоминаю...
Мы прощались... Навсегда.
Разорванность следа...
Начало мая...
Спотыкаюсь...
Слова, слова, слова.
Сорока бьет хвостом.
Снег опадает, обнажая
Нагую холодность ветвей,
И вот последняя глава
Пахнула розовым кустом,
Тоску и лживость обещающая,
И умерла в груди моей,
Покой-покой...
И одиночество, и злоба,
И плачу я во сне и просыпаюсь...
Обида – серебристый месяц.
Клейменность – горя проба.
И снова каюсь. Каюсь. Каюсь.
Держа в руках разорванное сердце...

По словам очевидцев, видевших Даля на похоронах Высоцкого, он выглядел ужасно и твердил: «Ну вот, теперь моя

очередь». М. Козаков вспоминает: «На похоронах Г. Волчек подошла ко мне и спросила на ухо: «Может, хоть это Олега остановит?» Не остановило...»

Л. Филатов: «Первые похороны, на которых я был, – Высоцкого. Тогда я сидел и ревел все время и сам же себя уговаривал: сколько можно, ведь он даже не друг мне. Мы были на ты, но всегда чувствовалась разница в возрасте, в статусе, в таланте, в чем угодно... И унять эти слезы я не мог. Ко мне подошел Олег Даль, который пережил Высоцкого на год. Он выглядел ужасно: трудно быть хуже меня, нынешнего, но он был. Джинсы всегда в обтяжку, в дудочку, а тут – внутри джинсины будто не нога, а кость, все на нем висит, лицо желто-зеленого оттенка... Даль пытался меня утешить: да, страшно, но Бог нас оставил жить и надо жить. А мне было еще страшнее, когда я глядел на него...»

В их уходе из жизни есть что-то пугающе схожее. После смерти Высоцкого Даль начал стремительно угасать. Разговоры о смерти стали настолько привычными, что их перестали замечать. На одной из последних встреч со зрителями Дально пришла записка: «Олег Иванович, у вас есть друзья? Кто они?» – «Друзей у меня нет, – отвечал Олег. – Они у меня были. Влад Дворжецкий, Володя Высоцкий... Я чувствую, что они меня ждут...»

Это случилось 3 марта 1981 года в холодном, неуютном номере киевской гостиницы. Даль должен был участвовать в съемках лирической комедии студии им. Довженко «Яблоко

на ладони». Накануне в вестибюле гостиницы его встретил актер Л. Марков. «Пойду к себе умирать», – сказал Даль, и Марков тут же забыл об этой фразе. А Даль пришел к себе в номер, открыл бутылку водки... У него была вшита очередная «эспераль». В результате наступила реакция препарата с алкоголем, резко повысилось давление, сосуды не выдержали... Он скончался от инсульта. Возможно, это было самоубийство, а возможно, Даль не предвидел такого исхода и просто искал спасения от депрессии, на которую никто из окружающих не обращал внимания. Двух месяцев не дожил он до своего сорокалетнего юбилея.

По просьбе жены – Елизаветы Даль – слепок его руки выполнил Геннадий Распопов – автор двух скульптур-памятников Высоцкому. Похоронили Олега 7 марта на Ваганьковском кладбище, недалеко от могилы Высоцкого.

«Американский двухтомник»

Западу (США и Франции), по печальной российской традиции, принадлежит приоритет публикации многих произведений Владимира Высоцкого. Советская медлительность и зарубежная предприимчивость привели к тому, что первый сборник стихов и песен Высоцкого появился не на родине поэта.

В Нью-Йорке издательство «Литературное зарубежье» в 1981 году выпускает книгу «Владимир Высоцкий. Песни и стихи». В погоне за прибылью издатели – бывшие советские эмигранты Б. Берест и А. Львов – выпустили слабый и примитивный сборник с огромным количеством текстовых неточностей и опечаток. За основу были взяты магнитофонные записи очень плохого качества и сборник «Песни русских бардов» издательства «YMCA Press», где было около двухсот текстов песен Высоцкого. При сравнительно высокой цене – 15 долларов – первый тираж мгновенно был распродан, и Берест сделал несколько допечаток. Причем погрешности, обнаруженные в первом издании, в последующих не корректировались. Помимо ошибок, сделанных в стихах Высоцкого, в сборник были включены тексты других авторов – А. Вознесенского, Г. Шпаликова, ошибочно приписываемые Высоцкому. Но бизнесмены, не обременяя себя исследованиями и исправлениями, продолжали печатать...

К 83-му году в этом издательстве скопился кое-какой материал, позволяющий, по их мнению, выпустить еще один сборник, содержащий еще большее число ошибок. В России эти два сборника коллекционеры назовут «американский двухтомник».

Будет раскритиковано это издание, появятся другие, более фундаментальные, с меньшим количеством ошибок, но в 93-м году киевское издательство «Слово-Сфера» выпустит сборник с таким же названием и со всеми огрехами, повторив американское издание. Зачем?! На имени поэта бесспорно делались деньги...

Критические статьи по поводу «американского двухтомника» стали появляться на родине поэта лишь в 1987 году. В этих статьях даже не упоминалось о том, что издание крайне слабо по существу, что в предлагаемых песнях и стихах масса неточностей и просто ошибок, что там полным-полно стихотворений, вовсе не принадлежащих Высоцкому. Авторы статей сами не владели материалом по сути произведений Высоцкого, но зато громили предисловие, написанное А. Львовым. Сразу два автора, В. Бадов и Б. Земцов, пишут в «Комсомольской правде» 13 мая 1987 года: «Познакомимся с предисловием, принадлежащим перу бывшего гражданина СССР, а ныне обитающего на Западе некоего А. Львова. Замысел автора прозрачен: используя рассуждения о Высоцком, на свой лад раскрасить старое клише антисоветизма. Здесь и старые рассказы о гонениях, которым якобы под-

вергаются евреи в СССР, и нелепые утверждения, наподобие того, что спорт в СССР – единственное доступное рядовому гражданину развлечение. Известная поведка «интеллектуалов» из радиостанции «Свобода» проглядывает в каждой строке комментариев Львова к стихам и песням Высоцкого».

Но, несмотря на все недостатки первых изданий, они разрушили привычный стереотип: Высоцкий-бард, Высоцкий-явление – и показали Высоцкого-поэта, донесли до читателей часть лучших его песен и стихов...

А ошибки, опечатки... Без них не обходится ни одно издание.

Ю. Любимов – «Владимир Высоцкий»

Человек, который оказал на меня наибольшее влияние, – Любимов. Мне повезло, что я попал к Любимову, когда разочаровался в театре. Я встретил обаятельного человека с понимающими глазами. Это человек твердой позиции. Как старший брат, учитель, друг, он помог мне. Я бы, возможно, перестал писать стихи. Но он к моим стихам отнесся не как к творческому хобби, а как к поэзии. И стал их включать в спектакли...

Юрий Петрович – один из самых гениальных режиссеров нашей страны и стоит в ряду великих имен, начиная, если хотите, от Мейерхольда, Вахтангова, Таирова, Охлопкова, Ефремова.

Леонид Ярмольник

Чувства и отношения между этими двумя людьми были очень сложными. Высоцкий был фирменным знаком «Таганки». Актер и режиссер были нужны друг другу... Их отношения походили на отношения отца и блудного, непослушного сына. Сколько раз Любимову приходилось отменять спектакли только из-за того, что отказывался играть или просто-напросто исчезал Высоцкий! Через некоторое время следовало объяснение, режиссер грозился уволить актера или передать его роли другим. Но вечером Высоцкий выходил на

сцену, и... ни о каком увольнении речи уже не было: отработав спектакль, он заставлял публику, приходившую, кстати, часто только «на него», аплодировать стоя... После смерти Высоцкого Любимов ни разу не высказался как-то отрицательно или грубо о своем ученике, хотя при жизни много натерпелся от его неумного характера.

Любимов посвятил Высоцкому стихотворение, которое написал сразу после смерти. В интервью А. Минкину накануне похорон он сказал:

– Ночью я написал стихи. Это плохие стихи, их не надо печатать, сейчас я вам их прочту...

Духота, жара...
Двадцать пятого
В четыре утра
Умер Владимир,
Покинул мир.
Он жил безоглядно.
То падал на дно,
То вновь поднимался.
Предсмертно метался,
Рвал струны и сердце
Усердно, усердно!
Крещендо! Крещендо!
Все форте и форте,
Сломалась аорта.
И скорбно у рта
Тихо складка легла.

И люди пришли,
Положили цветы,
Раскрыли зонты —
От жары берегли цветы.
И долго стояли,
Как будто бы ждали его.
...и девять дней все шли и шли...

Сколько боли было в голосе Ю. Любимова...

Свою последнюю роль на сцене «Таганки» Высоцкий сыграл уже после смерти. Мысль о спектакле по стихам Высоцкого возникла сразу после похорон. 1 августа 1980 года Ю. Любимов собрал в своем кабинете ведущих актеров и говорил о спектакле как о чем-то уже определенном... Вот несколько фрагментов из того, что Любимов тогда втолковывал актерам: «В театре есть спектакли о Пушкине, о Маяковском, о Есенине, о военных поэтах, о современных поэтах, и поэтому считаем своей обязанностью сделать спектакль о Высоцком... Нужно сделать спектакль о поэте, который жил среди нас и который не был оценен при жизни. Надо, чтобы все поняли, что он был отличным поэтом, а совсем не в том дело, что он сам пел. Нужно, чтобы в спектакле было очень много конкретных вещей, которые связаны именно с его работой, с его песнями, с его размышлениями... Нельзя быть заунывными. Его характер должен быть сохранен. Текст не надо интонировать — не о нас это. О нем... Натура Высоцкого настолько неординарная, что нужен острый ход. Весь

спектакль должен выражать его характер. Художник должен иметь право петь свое. Происходит культурное оскудение нации, когда отнимают это право... Он хотел – сам ведь хотел – спеть спектакль песен... Он спел про все. Нужно брать энергию от него... Петь зло, как сквозь зубы... Вот все его недоговоренности – нужно, чтоб они были ясны... Нужно избегать читки. Все привыкли, что мы читаем стихи с гитарой. И он читал так. Вытащить смысл – он совпадает и с судьбой театра. *«Нам сиянья пока наблюдать не пришлось...»* Полное общение. Все – ответ на его песни. *«Он был чистого слога слуга»*. Ему – поклон... Читать как реквием – этого не надо. Надо читать, как он читал финал «Гамлета»... Конкретный вопрос – что делать? как жить?»

3 августа Ю. Любимов собрал большой худсовет, где были Б. Можаев, Н. Крымова, Б. Ахмадулина, Д. Боровский...

Была предложена и конструктивная форма спектакля: стихи самого Высоцкого, посвящения ему, сцены из «Гамлета» с преобразованием текста Шекспира к стилизации спектакля. Ю. Любимов задумал показать образ артиста, поэта, певца, создать зримый портрет без изображений, звуковым путем, чтобы о Высоцком и его времени зрителям рассказал его голос и голоса актеров театра, исполняющих его произведения. К подготовке сценария спектакля Любимов привлек Игоря Шевцова.

С самых первых шагов создатели спектакля столкнулись с многообразием явления Высоцкого. Знали одни песни, не

знали или забыли другие, но почти никто не подозревал, что он еще и большой поэт. Для многих, в том числе и для актеров театра, и для самого Любимова, было большим потрясением узнавание Высоцкого в этом качестве. Пришло осознание истинного масштаба его дарования и значения его искусства для духовной жизни народа.

В. Золотухин: «Обнаружилось, что я его совсем не знал. Летом, когда пленки его слушал, все открылось в первый раз... Прочитал воспоминания Карякина. Они потрясли меня. Мы устраиваем конкуренцию у гроба слишком торопливо... Людям со стороны покажется, что мы знаем что-то такое... вместе работали, кутили, выпивали...»

Началом работы над спектаклем можно считать 14 мая 1981 года, когда в верхнем фойе старого здания театра собралась вся труппа, и Любимов предварил начало словами: «Нам всем будет очень тяжело делать спектакль о Володе. Очень трудно удержаться от сентиментальности, слезливости. Очень трудно будет найти себя актерам.

В спектакле надо найти огромный такт. О НЕМ делать, а не о НАС. Тут нужно хорошее актерское и режиссерское отстранение. Надо быть ненавязчивыми, деликатными. Но и быть такими же неукротимыми, как он. Это должно выражаться в позиции театра... Тут требуются духовные усилия...

Десятки часов мы сидели и слушали песни Высоцкого. И поняли, что его можно прекрасно читать как поэта. Многие

уважаемые люди считают, что это невозможно. Что без его исполнения – нельзя. Аргумент веский... Но мы постараемся доказать, что Высоцкий был замечательный поэт.

Я призываю вас всех, чтоб в работе не было обид. Этот спектакль – наше общее дело, долг перед Володи́ей».

Позиция Любимова подтверждалась на репетициях:

– А что вы так сюсюкаете? Он был иногда очень жесткий человек. С ним было трудно до предела. Он бывал несносен, и некоторые были шокированы. Он казался многим странным. Потом мы поймем, что это гениальный парень. «Его похоронили с самим Столяровым!» Отец даже не понимает, какой у него сын. Отец родной не понимает... Чего ж вы хотите? Вот трагедия. На ваших глазах человек, который прожил с вами столько лет, а его, оказывается, отец родной не понимал и говорил, что Володю ценил сам Кобзон. «Сам Кобзон ценил Володю!»

(Владимир Высоцкий всегда страдал от непонимания, недооценки отцом его поэтических способностей. 3 августа 1986 года Семен Высоцкий в интервью корреспонденту «Московского комсомольца» Л. Колодному признался: «Был он, **как я теперь понимаю**, поэт...»)

При работе над спектаклем о Высоцком кризис, уже наметившийся в театре, был как будто преодолен. Ощущение не только утраты, но и вины, работа над спектаклем-покаянием сплотили всех вновь. В театр вернулся Н. Губенко, он чувствовал, что коллективу нужна его помощь: «Я вернулся в

театр после смерти Владимира Высоцкого, чтоб причаститься к его делу, оставив самостоятельное дело на «Мосфильме»". Все опять сблизилось, артисты перестали ссориться, подобрел режиссер, все забыли старые счеты. В театр вернулась прежняя атмосфера, когда каждый не по службе, а по личному долгу вовлечен в дело. Как никакой другой спектакль, «Высоцкий» сочинялся всем театром. Теперь можно с уверенностью сказать, что этот спектакль стал не только данью памяти актеру и поэту, но и итогом лучших творческих дней Театра на Таганке. Идея «Гамлета» без Гамлета, легшая в основу спектакля, поведав о лучшей роли Высоцкого, его человеческой судьбе, вобрала в себя и рассказ о самом театре, об актерском братстве, о целой эпохе в жизни «Таганки». Театр сыграл самого себя – перед тем как вступить в иное измерение. Гамлет-Высоцкий стал символом и мерой.

15 июля в театре проводится репетиция спектакля, на которую Любимов пригласил зарубежных дипломатов, представителей иностранной прессы, радио и телевидения. Любимов не уверен, что премьеру не запретят в самый последний момент, и хочет подстраховаться. Когда в горькоме партии узнали об этом, то с возмущением попытались воззвать к партийной совести режиссера. Но напрасно, поскольку на самом деле Любимов хоть и числился в партии с 1953 года, однако настоящим коммунистом никогда не был.

Узнав, что городские власти собираются прислать в театр

очередную приемную комиссию, Любимов предпринимает еще один шаг в попытке добиться премьеры спектакля: «17 июля я позвонил Председателю Комитета госбезопасности Ю. Андропову. Шеф КГБ сразу спросил: «Почему вы обращаетесь ко мне, а не к министру культуры?» Я ответил: «К нему обращаться бесполезно. К тому же этот вопрос все равно перейдет в ваше ведомство». В конце разговора Андропов пообещал мне поддержку: “Я с вами разговариваю как товарищ. Называю вас «товарищ Любимов». Я думаю, ваши аргументы убедительны. Но я прошу вас сделать все возможное, чтобы избежать скандала. Потому что сочетание трех факторов: «Таганки», Высоцкого и вас – чрезвычайно опасное сочетание. Это в том смысле, чтоб не было Ходынки, чтоб это все не обернулось против вас...”»

В итоге, благодаря вмешательству Андропова, городские власти были поставлены перед фактом, что спектакль «Владимир Высоцкий» должен быть сыгран.

Спектакль поставили, но дальнейшая его судьба была очень похожа на судьбу почти всех спектаклей «Таганки», и особенно напоминала ситуацию со спектаклем по произведениям В. Маяковского «Послушайте!».

Именно то, что Любимов и его актеры посмели увидеть в своем погибшем товарище большого поэта и поставить его, личность, с официальной точки зрения, одиозную, в один ряд с Пушкиным, Маяковским, Есениным, и явилось «трагической виной» театра перед официозом.

Спектаклем занялись не только театр – его главный режиссер, художник и актеры... Свою параллельную игру вели КГБ, МГК, ЦК КПСС и Министерство культуры. Цель игры была одна: не допустить спектакль на сцену. «Мудрые и всезнающие» чиновники определяли, что можно читать, смотреть и слушать, а что – нельзя, потому что это «чуждо» советскому человеку. Это называлось «управлять культурой». Под запретом были те самые стихи и песни, которые через пять лет будут звучать по радио и телевидению, будут изданы и переизданы в книгах, газетах и журналах. С запретов на этот спектакль начнутся многие драматические ситуации, сыгравшие свою роковую роль в судьбе отдельных личностей и вообще Театра на Таганке.

Но спектакль все-таки был сыгран в первую годовщину смерти Высоцкого. Для того чтобы показывать спектакль в дни рождения и памяти поэта – в январе и в июле – узкому кругу родных и близких, требовались величайшие усилия Любимова. Обсуждение спектакля – в присутствии чиновников от культуры и без них – проводилось много раз.

Здесь приведены фрагменты стенограммы обсуждения спектакля на заседаниях худсовета театра сразу после его создания в 1981 году. Сегодня эти обсуждения не менее интересны, чем предмет разговора – спектакль «Владимир Высоцкий».

Из следующих ниже документов станет ясно, какое содружество поддерживало высочайший уровень театра, в каком

кругу взрастал талант актера и поэта Владимира Высоцкого и как борьба за существование этого спектакля повлияла на дальнейшую судьбу режиссера и его театра.

Из стенограммы обсуждения спектакля после просмотра 21 июля 1981 года.

Ю. Любимов: Наши сегодняшние зрители – наши коллеги, товарищи из Управления – посмотрели работу театра, и я предоставляю им слово.

Самойленко В. М. (зам. нач. Отдела театров Главного управления культуры Мосгорисполкома): Мы считаем, что основная идея поэтического представления остается прежней: конфликт поэта с обществом, отсутствие гражданской позиции у поэта и данного вечера. Об этом мы говорили неоднократно, заявляем об этом и сейчас. Естественно, мы не рекомендуем его для показа.

Поскольку Юрий Петрович говорил о том, что показ представления 25 июля – внутреннее дело театра, и поручился за то, что этот вечер пройдет нормально, – в соответствующих инстанциях вами, Юрий Петрович, было об этом заявлено. Поскольку это внутренний вечер, вы должны поступать так, как вам подсказывает ваша партийная совесть, ваша должность главного режиссера театра, художественное ваше назначение. Поэтому, если вы считаете возможным продолжать работу, продолжайте. Мы рассматриваем это с позиций, которые были высказаны вам в субботу, 18 июля, в

Министерстве культуры. Наше мнение не изменилось. Театром была проведена доработка, что-то ушло, что-то нет, общее ощущение осталось прежним. Поэтому дальше работать так, как вы считаете нужным, мы не рекомендуем. Мы считаем, что на данном вечере поэт выступает односторонне, что основной сюжет строится на конфликте поэта с обществом. Мы считаем, что нет гражданской позиции поэта. Вот то, что можно было сказать кратко.

Ю. Любимов: Очень кратко! Короче и не скажешь. Всем присутствующим все ясно – это дело моей совести...

Посильно сокращены 10 страниц текста. Я выполнил все, что товарищи требовали. Но хочу, чтобы вы все знали: когда тов. Шкодин говорит, что он не воевал, но ему неприятно, когда поется песня инвалида, в ней он увидел, что это мерзкие пьяницы, ходившие после войны по вагонам, – это его оскорбляет. После этого мне говорить с тов. Шкодиным сложно. И с другими товарищами мне тоже сложно говорить. Они, наверное, и от Пушкина оставили бы маленький томик, а Гоголя вообще запретили бы. *(Обращается к Самойленко.)* У вас превратное представление о мире художника, вы люди некомпетентные, чтобы решать вопрос о крупном русском поэте. Говорить поэтому я буду на другом уровне. Более того, я напишу письмо и пошлю его в Политбюро...

Я обращаюсь к вам как член партии с товарищеским предложением – выслушать то, что скажут присутствующие здесь товарищи. А там дело ваше...

Л. Делюсин (доктор исторических наук): Я могу сказать как фронтовик. Я считаю, что никакой односторонности в изображении военной тематики в поэтическом представлении нет. Как фронтовику мне странно слышать такое. Нужно быть бесчувственным идиотом, чтобы так понять то, что пропел Высоцкий. Если сказать о своем индивидуальном мнении, то я бы сказал, что спектакль очень гражданственен. Он показывает Высоцкого как мыслителя, философа, глубоко и остро обнажившего те теневые стороны нашей жизни, бороться с которыми призывает нас наша партия.

Мне дорого, что Высоцкий показан театром не просто певцом-гитаристом, а поэтом, размышляющим о своем обществе своеобразно, остро, с душевной болью. Этот спектакль адресован нашему советскому обществу, которое строит коммунизм и должно бороться с еще существующими недостатками. Этот спектакль имеет большое гражданское значение. Он не только память о Высоцком, но и дань уважения нашему обществу.

А. Бовин (политический обозреватель газеты «Известия»): Я не могу говорить так эмоционально, как Лев Петрович, – я не занимаюсь искусством, я занимаюсь политикой. С этой точки зрения, мне кажется, нельзя соглашаться с тем, что главная тема спектакля – это конфликт поэта с обществом. Мне как раз кажется, что его главная тема – соединенность судеб. Потому что судьба нашего общества драматична. Здесь были лагеря, война, культ личности, послево-

енные сложности и т. д. И приобщенные песни – это тоже судьба нашего общества, пережившего все эти трагические повороты. Песни Высоцкого, его стихи отразили все эти этапы. Конечно, не все у него было благополучно, все мы это знаем прекрасно, и все это неплохо отражено в спектакле. В этом смысле спектакль очень точен, потому что не пытается сделать поэта розовым, изобразить его просто на манер шансонье, а показывает его сложную, противоречивую судьбу, отражающую сложность и противоречивость нашей истории. Так мне показалось из того, что я увидел. Мне кажется, что именно с партийной точки зрения это очень важно.

Б. Можаяев (писатель): Я уже выступал по поводу спектакля, но, очевидно, надо делать это еще и еще...

Обращаюсь к вам (Самойленко). Вы говорите, что со всем знакомы, читали материалы... Но я должен вам возразить, так как только что услышал несколько неожиданное для меня суждение – и не просто суждение человека, посмотревшего спектакль, но суждение целого Управления, многие представители которого не были на просмотре. Прежде всего, меня удивило ваше главное заявление, ваш основной довод, будто здесь показан конфликт поэта с обществом.

Хочу выразить свою уверенность в том, что спектакль будет существовать, как существуют ваши прекрасные поэтические представления по Вознесенскому, о Пушкине, о Маяковском...

Н. Губенко (артист театра): Я родился в августе 41-го,

отец ушел на фронт и погиб в 42-м году под Луганском. Мать мою повесили фашистско-румынские захватчики. Большая часть актеров театра – это мое поколение, у которого не только в крови, но и в земле лежит то, что делает нас – хотите вы этого или нет – патриотами своей Родины. Извините, что прибегаю к высоким словам. Если вы хотите, чтобы спектакль воспитывал лучшим образом, чтобы творчество Высоцкого получило, наконец, официальное признание, – что заставило меня вернуться в театр, – а не такое, какое сейчас существует в народе: самодеятельное, стихийное, буйное, на пленках магнитофонов, то не делайте, ради бога, той глупости, которую совершали в свое время по отношению к другим писателям. (Реплика с места: «С Есениным!»)

Представители «от культуры» действовали не от своего имени. Указкой поведения служили документы, полученные от «оперативных источников» накануне обсуждения. Гриф «секретно» с этих документов, хранящихся в текущем архиве Общего отдела ЦК КПСС (ныне Центр хранения современной документации) на Старой площади, был снят через десять лет. Они рассказывают о том, каких трудов, нервов и унижений стоило представление спектакля «Владимир Высоцкий»...

«СЕКРЕТНО»
ЦК КПСС

О ВОЗМОЖНЫХ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ В СВЯЗИ С ГОДОВЩИНОЙ СМЕРТИ АКТЕРА ВЫСОЦКОГО

13 ИЮЛЯ 1981 Г.

По полученным от оперативных источников данным, главный режиссер Московского театра драмы и комедии на Таганке Ю. Любимов при подготовке нового спектакля об умершем в 1980 году актере этого театра В. Высоцком пытается с тенденциозных позиций показать творческий путь Высоцкого, его взаимоотношения с органами культуры, представить актера как большого художника-«борца», якобы «незаслуженно и нарочито забытого властями».

Премьера спектакля планируется 25 июля с. г., в день годовщины смерти Высоцкого. В этот же день неофициально возникший «Комитет по творческому наследию Высоцкого» при театре на Таганке (Ю. Любимов, администратор В. Ян-клович, художник Д. Боровский, актер МХАТа В. Абдулов и другие) намеревается провести мероприятия, посвященные памяти актера, в месте его захоронения на Ваганьковском кладбище в г. Москве и в помещении театра по окончании спектакля, которые могут вызвать нездоровый ажио-

таж со стороны почитателей Высоцкого из околотеатральной среды и создать условия для возможных проявлений антиобщественного характера.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета госбезопасности Ю. Андропов

Резолюция: тов. Зимянину, Шауро, Дементьевой. Прошу ознакомиться.

М. Суслов. М. Зимянин

Справка. С содержанием документа секретарь МГК КПСС т. Дементьева Р. Ф. ознакомлена. Организовано выполнение поручения.

Зам. заведующего Общим отделом МГК КПСС Н. Бровкин.

Однако, несмотря на угрозу «возможных проявлений антиобщественного характера», Председатель КГБ Ю. Андропов разрешает проведение вечера памяти, а присутствующая на вечере секретарь МГК КПСС Р. Дементьева написала отчет о выполнении «поручения» следующего содержания:

ЦК КПСС

ЗАПИСКА

О ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ ДРАМЫ И КОМЕДИИ НА ТАГАНКЕ

29 ИЮЛЯ 1981 Г.

В соответствии с поручением МГК КПСС информируем о проделанной Московским городским комитетом партии, Ждановским РК КПСС, Главным управлением культуры Мосгорисполкома работе, в связи с организацией главным режиссером Московского театра драмы и комедии на Таганке т. Любимовым Ю. П. вечера памяти В. Высоцкого.

...По мнению главка культуры, общая композиция представляла идейно порочную направленность материала и искажала жизнь и творчество В. Высоцкого.

РК КПСС, Главным управлением культуры проводились неоднократные встречи и беседы с руководством Театра драмы и комедии на Таганке, его главным режиссером, коммунистом Ю. Любимовым, на которых обращалось внимание на необходимость совершенствования литературного мате-

риала, предполагаемого к показу на вечере.

В беседах высказывались рекомендации по уточнению идейно-художественной направленности и смыслового звучания ряда стихов и песен поэта, представленных в композиции, указывалось на тенденциозное и одностороннее отображение творчества В. Высоцкого, его нравственных и духовных исканий, искусственное «выявление» конфликта поэта с существующей действительностью.

Руководству театра предлагалось заменить отдельные стихи и песни В. Высоцкого, изменить произвольную трактовку и неточное сценическое решение ряда его произведений, усилить гражданское звучание композиции. Из 24 стихов, по которым сделаны замечания, т. Любимовым было заменено лишь 6. Кроме того, им было добавлено еще 23 новых стихотворения. При этом концепция спектакля не претерпела изменения, идейно-художественная ее направленность осталась прежней.

На обсуждении композиции после ее репетиции ответственные работники Министерства культуры РСФСР, Главного управления культуры еще раз обратили внимание т. Любимова на невозможность показа спектакля в предложенной сценической редакции. В то же время присутствовавшие на беседе «друзья театра» – политический обозреватель газеты «Известия» А. Бовин, писатели Б. Можаяев и Б. Окуджава, критики Р. Кречетова, Р. Беньяш и другие – дали высокую оценку композиции. А. Бовин, например, сказал: «Я не

театровед и не критик, занимаюсь вопросами международной проблематики. Мне кажется, что здесь нет конфликта поэта с обществом. Здесь очень точно отражена сложность и противоречивость нашей истории». Б. Можаяв: «Этo конфликт начальства с поэтом, но не с обществом... В обществе сложилось определенное мнение о поэте, и театр пытается восстановить его настоящее лицо».

Режиссер Ю. Любимов выражал несогласие с существующими порядками приема спектаклей. К мнению вышестоящих организаций не прислушался.

Вечер состоялся 25 июля т. г., в 19 часов в помещении Московского театра драмы и комедии на Таганке. На нем присутствовало около 600 приглашенных зрителей.

В этот же день могилу В. Высоцкого на Ваганьковском кладбище посетило 14–15 тыс. человек, в основном молодежь, а также около ста человек работников Театра на Таганке.

Принятыми МКГ КПСС, РК КПСС, Управлением КГБ по г. Москве и Московской области, Главным управлением внутренних дел Мосгорисполкома мерами на кладбище, в театре и его окружении был обеспечен надлежащий общественный порядок.

Сообщается в порядке информации.

Секретарь МКГ КПСС Р. Дементьева.

Ознакомились: М. Суслов. М. Зимянин.

Игорь Кохановский

После спектакля

«Проезжайте!» – в начальственном раже,
возражений не терпящим и
возражений не мыслящим даже,
мне вещает сотрудник ГАИ.

Не до спора мне и перебранки...

Я паркуюсь, проехав квартал,
где Высоцкий под небом Таганки
и хрипел, и кричал, и шептал,
и держал, как пристало Атланту,
это небо, чтоб теплился свет...

Так низы благодарны таланту,
что верхи отменили запрет.

Ну а после спектакля... Едва ли
в день другой бы запомнилось мне:
черных «Волг» вереницы стояли
и на этой, и той стороне,
и работали тихо моторы,
и дежурил милиции взвод,
и дремали в машинах шоферы,
ожидая, как слуги, господ.

И подумалось вдруг, что Таганка
стадо этих машин собрала,
как запретная прежде приманка...

Вот, Володя, какие дела.
Те, что гнали тебя, словно волка,
нынче в первых сидели рядах,
и прогретые черные «Волги»
верной стражей толклись на часах.

Ю. Любимов продолжает бороться за спектакль. Он делает правки в сценарии, пытается воздействовать на инстанции... и продолжает репетировать с показом репетиций людям компетентным, разбирающимся в настоящей поэзии.

13 октября 1981 года. Разбор проведенной репетиции.

Ю. Любимов: «Ситуация вам ясна. Кому не ясна, могу рассказать. Ситуация очень плохая. Плохой она была и летом, в годовщину смерти Высоцкого. Делалось все это в непозволительных тонах, и вчера было продолжено. Подход ко всем нашим предложениям посмотреть проделанную работу был чисто формальным, за которым стояло нежелание вступать в какие-либо контакты, посещать репетиции или серьезно разговаривать...

Как же так можно обращаться с поэтом, с театром? Театр состоит из живых людей. Это ведь не мой театр. Мне можно объявлять выговоры, со мной можно разговаривать так безобразно, что я вынужден был заявить, что работать больше не буду. Я сделал это продуманно, серьезно, спокойно – не в состоянии аффектации. В таких условиях я работать больше не могу и не буду – так я заявил вчера. Начальству я заявил это официально. И не только им. Это люди маленькие,

невоспитанные и бестактные, абсолютно некомпетентные. Я довел это до сведения высоких чинов, и теперь мы ждем решения.

Но, независимо от этого, сегодня я на свой страх и риск провел репетицию. Было уже очень много глубоких выступлений с оценками этого явления духовной культуры, но мне хотелось бы, чтобы и сегодня тоже были высказаны соображения об этой нашей попытке исследований удивительного феномена, которого ряд людей сознательно не замечает, хотя Высоцкий – любимый народный поэт и народ его понимает. Это – явление русской культуры, и никому не позволено плевать на такие вещи. Можно плюнуть на меня, можно меня выгнать, но вопрос этот все равно придется решать. Прятать голову под крыло, как страус, – позиция бессмысленная. Прошу присутствующих высказаться».

И. Смоктуновский (народный артист СССР): «Этот спектакль о правде нашего времени, о том, что мы жили, чем живем, чем будем жить. И я не понимаю, где причина, чтобы не прийти, не посмотреть спектакль.

Высоцкий составляет определенный, только ему свойственный пласт сегодняшней, да и завтрашней, будущей культуры...»

А. Шнитке (композитор): «Я... смотрел спектакль четвертый раз. Каждый раз он оставляет эмоциональный ожог. Я не знаю другого, равного по силе воздействия спектакля. В том, что здесь происходит, видно, прежде всего, некое обоб-

щение творчества Высоцкого. Полностью это, быть может, и невозможно, но в спектакле Высоцкий предстает перед нами цельной личностью и, как это ни парадоксально звучит, человеком, для которого главным в его творчестве была нравственная проповедь – не ханжеская, не сентиментальная, а мужественная, суровая, принимавшая порой даже кощунственные формы, не только в силу вынужденности – из-за его ненависти ко всякой лжи, к стремлению сглаживать углы, скрывать правду, если правда неприятна. В этом смысле, если говорить о воспитательном значении искусства, в спектакле о Высоцком оно присутствует в высшей степени. Его слова достигают души каждого человека, заставляют взглянуть на себя. Обращаясь к алкоголику, демагогу, шалопуту, чиновнику, он не клеймит его, не унижает, не уничтожает, а показывает ему его душу, показывает то, что в нем происходит, что может произойти в дальнейшем. Стремление показать человеку на ростки зла в нем – важнее всего. Часто ведь зло происходит от неосознанности творимого человеком, это зло беспечности, равнодушия...

Я не знаю в нашей литературе явления, подобного Высоцкому, когда поэт, обнаруживая в людях зло, в такой неоскорбительной форме заставлял их задумываться о себе, воздействовал на них.

Этот спектакль должен жить. Недопустимо, чтобы тысячи людей лишились возможности увидеть это, слышать и пережить. Творчество Высоцкого, как всякое духовное явление,

не может быть ни уничтожено, ни ограничено, поскольку явления духовной жизни живут самостоятельно, но люди, которые и сейчас знают его песни, придя на этот спектакль, взглянут на поэта новыми глазами и, может быть, поймут его еще лучше.

Я просто не понимаю, как люди, которые предъявляют театру требования быть театром-воспитателем, школой гражданства, способствовать воспитанию зрителя, не хотят видеть, что именно этим и силен спектакль, не хотят видеть, насколько он необходим всем нам».

Н. Губенко (актер театра): «Ситуация действительно странная. Но не будем говорить о спектакле. Я хочу сказать о потрясающей неискренности, выразившейся в том, что на похоронах Володи Ануров (начальник Главного управления культуры Мосгорисполкома) произнес над гробом речь о том, какой это был прекрасный артист, а сейчас он отказывается общаться с театром. Я хотел бы уточнить здесь, что речь идет не о личных отношениях Юрия Петровича с Ануровым, что в этом проявляется отношение ко всем работникам театра, начиная от электрика и кончая ведущими актерами и директором труппы, директором театра».

Из протокола расширенного заседания Художественного совета Театра на Таганке 31 октября 1981 г.

Ю. Любимов: «Прошу начать обсуждение. Ситуация вокруг спектакля сложная, а времени сегодня немного...»

А. мыльников (народный художник РСФСР): «Нет человека, который бы не любил Владимира Высоцкого, артиста, певца, поэта, – это не вызывает сомнений. Но мне хотелось бы сказать как художнику о постановке. Театром найден очень интересный прием, который создал тот накал, ту нить, которая протягивается от поэта к зрителю. Театром создан очень интересный сценический образ поэта. Это большая победа художника Любимова».

Ф. Искандер (писатель): «Это самый яркий спектакль, который я когда-либо видел. Все мы любим Высоцкого – так мы говорим теперь. Но в действительности не все его любили. Я знаю эстетов и бюрократов, некоторые его недолюбливали или делали вид, что его не любят, а сами «втихаря» слушали его. Эстеты считали, что только им принадлежит право думать. Но не умеют думать ни те ни другие. Высоцкий умел думать и умел выразить народу то, о чем он думает. Сегодняшний спектакль продемонстрировал мастерство режиссера и всех артистов. Показана вдохновенная, прекрасная работа. Высоцкий встал, как во весь рост. Я надеюсь, что этот спектакль будет жить долго-долго».

Я. Зельдович (физик, академик): «Принято противопоставлять физиков и лириков. Но есть нечто общечеловеческое, стирающее грань между ними. Творчество Высоцкого понятно и тем и другим. Общечеловечность творчества Высоцкого сделала его Настоящим артистом. В спектакле прекрасно переданы мужественность, смелость, цельность, му-

зыкальность, лиричность. Мы очень благодарны коллективу Театра на Таганке за этот спектакль. Он не должен оставаться представлением для немногих. Его должен видеть весь народ. Высоцкий – большое явление. Его смерть стала огромным потрясением для всех нас. Трудно думать о том, насколько он моложе многих из нас. Эту боль разделяют многие».

Ю. Карякин (ст. научный сотрудник Института международного рабочего движения): «...Я видел спектакль несколько раз, но сегодня было чудо. Это был поистине братский спектакль. Люди, сотворившие его, выполнили нравственный долг перед своим братом, перед искусством и перед своим народом. И сами – все мы это видели – сделались лучше и людей сделали лучше. Нельзя такое «косить». Это было бы безнравственно... Запрещать его имя, мешать его песням, срывать, в частности, спектакль о нем – это не просто плевать на народ... Еще одного я никак не могу понять. Все мы смертные и должны быть готовы к ней, к смерти. Я бы хотел спросить тех, кто боится воссоединения Высоцкого с народом: вы что, не смертны, что ли? Неужели вам безразлично, что о вас скажут ваши дети, которые любят Высоцкого и Окуджаву, любят их за правду, за совесть, за талант?!»

Ф. Абрамов (писатель): «Горлом Высоцкого хрипело и орало время. Жаль, что не нашлось слов, чтобы сказать о народной любви. Я узнал о его смерти, когда был в деревне, – прочел несколько строк некролога в «Советской куль-

туре». Ничего, кроме этого скупого сообщения, в центральной прессе не было. По-моему, это досадный просчет. Когда умер Жерар Филип, об этом знала вся Франция. Это были национальные похороны. А разве Жерар Филип занимал большее место в сердцах французов, чем Высоцкий в сердцах советских людей? Очень хорошо, что шествие «Владимира Высоцкого» по театральным сценам началось именно с «Таганки». Я думаю, что у работников театра был не один подход к теме Высоцкого. Театр на Таганке – наш любимый театр – наметил самый действенный, самый человечный путь воплощения Владимира Высоцкого на сцене. Дал заговорить ему самому. Это произведение производит ошеломляющее впечатление».

Б. Окуджава (поэт и прозаик): «Я как-то высказывался уже по поводу спектакля. Он мне чрезвычайно интересен. Я вот третий раз смотрю его, и он раз от разу улучшается. И я подумал, что как тут ни выражают несогласие с Министерством культуры, со всякими организациями, которые призваны нас поправлять и улучшать, но, видимо, Министерство культуры сыграло здесь положительную роль, потому что, видите, как замечательно все получается... *(Смех в зале.)* И я думаю, что теперь уж в таком виде ни у Министерства культуры, ни у кого не будет никаких претензий к спектаклю».

Б. Можаяев (писатель): «Основной секрет, кроме, конечно, эмоциональной силы, мастерства, мне видится, заключен

в словах поразительных, сказанных Достоевским, и, по всей вероятности, у всех из нас на памяти: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, и оттого служить надо только правде. Независимо от тех неудобств и потерь, которые при этом мы можем испытать. И даже независимо от тех гонений, которые при этом может испытать художник». Вот этим великим заветам, я полагаю, и следовал Высоцкий. Этому великому завету следует и театр, поставивший этот замечательный спектакль. Хочется надеяться, что этот завет примут во внимание и те люди, от которых зависит, чтобы этот спектакль видел наш зритель».

А. Володин (драматург): «Я хотел сказать о том, что вот есть в театре спектакли, а есть спектакли-поступки. Вот в этом театре время от времени происходят поступки. Был поступок – спектакль «Живой». Был поступок – спектакль «Берегите ваши лица». Почему-то как раз именно поступки закрываются и запрещаются. И вот сейчас совершен самый серьезный поступок. Самый серьезный поступок, от которого, знаете, я почувствовал, немножко вздрогнула страна, взволновалась, заговорила, зашебуршилась, начались споры, волнения...

Что касается вот этих запретов, вы знаете, происходит странная вещь в жизни. Сначала запрещается, запрещается, а потом почему-то перестают запрещать, как-то закрывают глаза... Сейчас уже неудобно писать статью о поэзии, где не упомянут Пастернак. Вот придет такое время, когда будет

неудобно и неприлично писать об искусстве этого времени и не упомянуть Высоцкого. Это время придет...»

Р. Щедрин (композитор): «Я из числа тех зрителей, кто первый раз смотрел этот спектакль, и из числа тех, кто не очень осведомлен о том, что делается около спектакля. Я должен сказать, что сам спектакль меня глубоко потряс и взволновал. Вообще, Высоцкий – это феномен, это загадка, это магия. И объяснить этот феномен может только высокое искусство. Вот сегодня говорили здесь о печальных днях похорон Высоцкого. Если сравнить, скажем, похороны Высоцкого и Шостаковича, то людей на похоронах Шостаковича было в десятки тысяч раз меньше.

Как объяснить это? И почему? Ведь тысячи вопросов встают перед художниками, перед композиторами. Сегодняшний спектакль, потрясший меня, пытается этот феномен объяснить. Это замечательно театрально выстроенное зрелище. Для меня странно слушать, что спектакль запрещается, что он не угоден. Мне кажется, что такие спектакли должны быть только украшением нашего театра и нашим отношением к тому феномену, который каждого из нас как-то сумел задеть, – каким был Володя Высоцкий».

Б. Ахмадулина (поэтесса): «Мы все время упоминаем здесь каких-то людей. Я не знаю, кто эти люди. Какие-то призрачные фигуры, где они вообще?! Почему ни один из них не удостоит ни режиссера, ни труппу, ни театр, ни тех литераторов, которые здесь присутствуют, ни артистов просто хотя

бы предъявлением своего мнения? Я это говорю совершенно не в запальчивости, а преднамеренно. Я понимаю, что эти люди никогда не считались с мнением писателей. Они у нас не спрашивали. И они всегда ошибались. Потому что они не учитывали, что некоторые поэты, которых благодаря их стараниям уже нет на свете, может быть, более умственно развиты, чем они. Я никогда не стала бы говорить с ними о морали, о поэзии или, например, о жалости к человеку, в данном случае к режиссеру, нервы которого они подвергли сложным испытаниям. Нет. Я говорю с ними только о том, что умно и неумно, о том, что с их точки зрения должно было быть более умным. Молодежь взволнована потому, что у нее опять отбирают Высоцкого. Молодежь и так была лишена его книг. Их был лишен сам поэт, который из-за этого страдал, потому что он желал видеть свои стихи напечатанными, хотя бы потому, чтобы лучше видеть их недостатки. Этого не было. Народ сетует, где их поэт? Теперь проходит по Москве тревожный слух, что народ еще лишается «Таганки»! Театр на Таганке всегда был для всех москвичей, для всех, кто приезжал, подлинным утешением и подлинной наградой за все труды, за все невзгоды. Я знаю, что люди встревожены, вы видели сегодня неблагоприятную какую-то обстановку около входа. И это вина не театра, это вина не устроителей, это вина тех, кто ставит театр в такое положение, как если бы театр совершил не подвиг в отношении своего умершего товарища, а совершил какое-то двусмысленное дело, которого

нужно стыдиться. Но поскольку им на меня наплевать, это я знаю, и, кстати, тут у нас взаимность, но я хочу, чтобы Юрий Петрович знал, что если я что-нибудь значу вместе с моими писаниями и вместе со всем, что я пока еще из себя представляю, чтобы Юрий Петрович и вообще весь театр, независимо от того, что будет с нами происходить, всегда располагал мною; любовью, дружбой и готовностью высказать свое мнение всегда. И, конечно, говорю я не только от себя, а вообще от тех литераторов, которых я считаю честными и единственно достойными права говорить что-нибудь во всеуслышанье. И безмерно благодарю еще раз театр».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.